

# ПАРАЛЛЕЛЬ

Максим Дымов

Червь

из Бурболя

КНИГА 1

Максим Дымов

**Человек из Прибойя. Книга 1**

«Издательские решения»

**ДЫМОВ М.**

Человек из Прибойя. Книга 1 / М. ДЫМОВ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963031-5

Дерзость и отвага — вот что меняет судьбы! Главный герой, Гор, житель рыбацкой деревни диких земель. В его мире верят в многочисленных богов, чтут традиции, а появление чужеземца — большая редкость. Путешествие, полное событий, заставит Гора задаваться вопросами о древних людях и богах... Юношеское, почти детское желание славы и новых знаний, через что оно проведёт? Чем обернётся путешествие для дикаря?..

ISBN 978-5-44-963031-5

© ДЫМОВ М.  
© Издательские решения

## Содержание

ГЛАВА 1. Прибойя	6
ГЛАВА 2. Чёрное перо	17
ГЛАВА 3. Ночь совета	27
ГЛАВА 4. Рассвет над тёмными землями	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

# Человек из Прибойя

## Книга 1

**Максим Дымов**

© Максим Дымов, 2019

ISBN 978-5-4496-3031-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-3032-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повествование ведётся от первого лица – человека, живущего через 300 лет после трагического финала нашей с вами цивилизации; цивилизация исчезла не полностью, местами в повествовании её «остаткам» даются вторые названия.

## ГЛАВА 1. Прибойя

304-й год Новой эры

Стиснув зубы от холода, сквозь потоки Белого водопада карабкался по скале человек. Невысокий, жилистый, смуглый, чёрный сальный волос закрывал глаза, такие же чёрные, как и безлунная ночь. Этот упёртый безбородый юнец – я.

Рассказ свой я поведу от начала, начала времени, когда я стал мужчиной. От момента, когда закончилось детство и началась моя настоящая жизнь, началом коей послужил Белый водопад. Описывать происходившее я стану так, как воспринимал его тогда и язык текста изберу под стать мне тогдашнему, ибо желаю, чтобы и ты, просвещённый читатель, погрузился в тот дикий мир, который я считал единственным.

Я взобрался наверх и встал на ноги. Поправил штаны из козьей кожи. Снял обувь, так будет удобнее ходить по земле. Копья, брошенные мною сюда до подъёма, ждали меня, никто их не украл, здесь некому. В этой части леса водятся только звери... и здесь живёт тот самый зверь, за которым я пришёл.

Мне в тот день исполнилось пятнадцать лет, и по обычаю в свой день рождения я должен был пройти испытание. Победив, я стану настоящим мужчиной. Сбегу – быть мне изгоем и жить у Вороньей скалы, как мой дед.

Я неслышно крался в тени густой листвы, крепко держа копьё в правой руке, готовясь метнуть его в любой момент. Ещё два я держал в левой. Стук моего сердца с каждым шагом слышался мне всё громче, мешая слушать слабый ветер. Как только я научился ходить, отец стал учить меня драться, учил охотиться и выживать, и вот теперь испытание. Бурый медведь – вот мой противник. У него прочная шкура и сильные когтистые лапы, на мне лишь старые штаны, есть три копья...

Вот он, гроза наших лесов, свирепый хищник. Спит в тени под скалой противник мой. Осторожно, стараясь не дышать, я приблизился на расстояние, хорошее для броска. Он учуял меня и проснулся. Наши взгляды встретились. Зверь смотрел на меня, пытаюсь прочесть мой замысел, но я, как учил отец, выгнал мысль о нападении. Я смотрел на него, будто с любопытством, но глубоко внутри помнил о том, что мне нужно сделать.

То ли зверь был умён, то ли я плохой притворщик, медведь встал на задние лапы и зарычал. Лучшего шанса и быть не может, бросок!

Запустив копьё, я тут же помчался следом, крича во всё горло и размахивая руками. Острый каменный наконечник впился в грудь зверя, а мои крики напугали его.

Я быстро взобрался на скалу, тут он меня не достанет. Зверь повернулся ко мне, теряясь – пытаться достать меня или бежать. Копьё упало на землю, похоже, мой бросок был недостаточно силён.

Я метнул второе копьё в спину ниже рёбер, кажется, оно крепко засело. Схватив камень, я тут же что есть сил запустил его в зверя, прямо в лоб. Бурый пошатнулся, встряхнул головой и бросился бежать. Бегство противника придало мне сил и уверенности, что я могучий охотник, ведь зверь боится меня. Как юн и глуп я был тогда...

Я спрыгнул со скалы, схватил своё копьё и помчался вдогонку, воинственным воплем распугав всех птиц. Да и медведя я напугал до... наследил он, в общем.

Зверь вышел на косогор, это его слабость. Медведь не может бежать поперёк склона. Уйти выше он не мог, подъём слишком крут, да и вниз та же проблема. Я запустил копьё и промахнулся, азарт и уверенность в победе захватили мой ум. Метнул последнее копьё и попал. Медведь споткнулся и покатился вниз к реке. От перекачываний медведя моё орудие вновь

оказалось на земле и было тут же мною подобрано. Копьё, что в спине легло вдоль, широкий наконечник с четырьмя гранями крепко засел.

Я съехал вниз по склону, косолапый издал свирепый рёв, дававший мне знать – он будет биться. Я, всё ещё поднятый, подобно парусу рыбацкой лодки, своим начальным успехом, приготовился. Зверь, подобно штормовой волне, нёсся стремительно и грозно. В последний момент я уклонился и ударил его в спину. Медведь неожиданно быстро развернулся, я успел отвести удар его лапы, но он оказался настолько силён, что переломил моё копьё пополам.

В этот момент всё происходящее перестало быть игрой, я почувствовал опасность. Я понял, что простота и успех вначале были обманчивы, боги проверяли мой ум. Я не был дурак, я был горд и уверен в своей силе и отваге. Я знал, что на медведя лучше охотиться, а не биться с ним. Я должен был преследовать его и ждать, пока зверь умрёт от ран. Я не хотел этого, не потому, что охота могла занять до трёх дней, а потому, что пройдя испытание так, я стану охотником. Я хотел стать воином, для того я должен в этом испытании показать себя таким.

Когти скользнули по моей спине, боль жжёт. Я споткнулся о пень и упал. Быстро перевернувшись на спину, я успел выставить сжатый в кулаке обломок копья навстречу пасти зверя. Палка вклинилась в основание пасти, не давая ей закрыться. Зубы сдавили мою руку, но, благодаря обломку, не прокусили её. Я знал, что медведь сможет сжать пасть сильнее и палка станет щепками. Я лежал под зверем, мой кулак глубоко в его пасти крепко сжимал обломок. Я боялся отпустить этот кусок копья, ведь тогда он мог вылететь, и смертоносные челюсти зверя будут вновь свободны.

Вторым обломком, тем, что с наконечником, я стал бить медведя в шею и глаза. Зверь поднялся, я повис на нём. Нижние зубы зверя впивались в руку всё глубже, вот уже моя кровь капает с локтя. Он стал сжимать челюсти настолько сильно, что ломота стала нестерпимой, уже и верхние зубы вот-вот проткнули кожу. Послышался треск, то ли это мои кости, то ли палка, и я в тот момент больше верил в первое. Медведь был слаб, терял много жизненной силы – крови. Будь он сейчас силён так, как был силён в начале боя, разорвал бы меня лапами как охотничий мешок с припасами. Медведь стал опускаться на передние лапы, он не мог больше так стоять. Я нанёс ещё несколько ударов. Он упал, придавив меня собой. Он был настолько тяжёл, что своим весом сдавил мне грудь так, что я не мог вдохнуть. На мгновение пришла мысль, что я не выберусь из-под него.

Зверь уже не свирепствовал, с каждым мгновением он затихал, челюсти его всё слабее сжимали мою руку, и вот он перестал дышать.

Прошло немного времени, прежде чем я смог успокоиться и восстановить дыхание. Я освободил руку из пасти, но вот дальше выбраться было сложнее, тяжеленная туша меня крепко прижала к мягкой земле.

Обломок с наконечником я вонзил поглубже в землю и стал подтягиваться, помогая себе ногами. Вбивая копьё в землю и шевеля ногами, я таки смог выбраться.

Первым делом я окунулся в реку, дабы чистыми горными водами омыть раны на спине и неглубокие прокусы на руке, да и ледяная вода замедляет кровотечение. Я не мог видеть, насколько серьёзно ранение спины, но, заведя руку назад и ощупав, я понял – это не просто царапины. К счастью, рука не была сломана, но слюна зверя точно попала в кровь, это может стать болезнью и убить меня позже. Многие охотники и воины погибали не в бою, а в шатре шамана, сумев победить врага, но не сумев одолеть болезнь.

Я отправился в деревню. По пути нашёл деревья с белыми стволами (берёзы), снял с нескольких понемногу коры и замотал кровоточащую рану на руке. После этого я залепил сырой землёй места, где снял кору, так деревья не заболеют. Идя по берегу реки, часто окунался в её ледяные воды, после этого раны на спине ненадолго переставали болеть.

Дальше на пути я наложил некоторые травы и закрепил их виноградной лозой в ране на спине. Специально искать хорошие растения не стал, не стал тратить время. Мне точно было известно, в деревне шаман уже приготовил мне оба сбора, один для исцеления, другой – ритуальные цветы и плоды для погребения.

Я шёл. Мысли мои были злы на старейшин, как можно давать такое опасное испытание?! Я всё больше понимал – зверь мог убить меня сегодня и был бы прав. Наверное, старейшины всё ещё в гневе на меня за то дело, за Ветренный пик и Тио... старейшины, наверное, просили богов дать жребий медведя. Никто не видит жребий и как он выпадает, старейшины говорят какой жребий, они не могут врать. Может быть, я в ту ночь разгневал богов? Может, старейшины и не просили моей смерти? Не знаю, но я победил, пусть боги смотрят и удивляются мне, пусть готовят мне великую судьбу!

Я пришёл в деревню уже на закате. Родное поселение на просторной поляне у обрыва, как я скучаю по нему теперь, по его плетённым и обмазанным песком и глиной лачугам! Большой общий зал из брёвен, там мы отмечали праздники, скорбели, заключали браки, грелись особо холодными зимними днями, даже проводили первые брачные ночи.

В тот день я чувствовал себя героем, могучим воином с великой судьбой, хотя и прошёл обычный обряд, который в своё время испытал каждый местный мужчина. Конечно, не все убивали медведя. Задания были разными, но мне выпало это, сложное, но оно выпадало людям и до меня. В испытании с медведем выживали не все. Я шёл по деревне гордо. Глаза людей смотрели на меня, их умы обращались ко мне. Не было слов, были лица и они говорили о радости, радости того, что дитя стал мужем, в деревне стало одним мужчиной больше. Ещё никто не знал, какое места я займу – строитель, земледелец, рыбак, охотник, воин?... я знал.

Странно, все уже знали о моей победе, это теперь я знаю, что за мной следили, но не для помощи или спасения, а для уверенности, что я не совру. Тогда я шёл, высоко подняв голову, в душе упиваясь аплодисментами и хвалебными взорами, как велик и важен я был тогда в своих мыслях. Все эти полуголые люди вокруг – это наше племя, семья.

Я вошёл в дом шамана. Это был большой шатёр, покрытый шкурами животных. Шаман Мелло требовал именно такое жилище, шкуры хранили дух леса, а он нужен шаману. Мелло сидел в центре шатра у очага, перед ним были разложены ленты коры, листья капусты и ещё некоторые травы, миска со специальной мазью. В очаге горел огонь, хорошо освещая всё вокруг. Сам шаман был облачён в древнее одеяние, чёрное, издающее при каждом движении шелест, (полиэтиленовый дождевик). На шее его висел круглый амулет, отражающий свет, но обратная его сторона была тёмной, с изображением демонов смерти (SD-диск с «тяжёлой» музыкой). Постоянно красные от дыма и трав глаза шамана приветствовали меня. Он жестом велел мне сесть. Мелло стал шаманом когда я ещё не родился, он хорошо справлялся со своей работой. Никто, как и сам Мелло, не помнил сколько ему лет. Морщинистое лицо шамана было цвета высохшей грязи. Нижняя губа, за которую он всё время закладывал шарики из табака, была большой и, казалось, ненастоящей.

Пока шаман накладывал повязку на рану, напевая своё заклинание, я разглядывал подвешенные под потолком травы; рыбы головы; черепа и крылья летучих мышей, хвосты ящериц и прочие ингредиенты.

В этот день были не положены гулянья, сегодня я отдыхал. Я хотел сам сказать отцу о победе, но он ещё был в саду далеко отсюда, значит, сегодня он будет ночевать там. Тогда я спустился на пляж, лёг на ещё не остывший песок и под шум моря стал смотреть в небо. Лежать в тугой повязке было неудобно, я не привык к таким ощущениям, но понимал, что снимать её нельзя. В этот момент что-то бурлило в моём теле, это была радость. Я был рад произошедшему. Я воин, и боги свидетели тому, никто из старейшин не смеет сказать слова

противления богам. Завтра меня признают воином, если не станет так, я поступлю как мой названный брат, Тио.

Мне выпало испытание убить могучего зверя, и я его успешно прошёл, это определило меня как воина. Если бы я смог убить зверя тихо и без драки, я бы стал охотником. Завтра я получу своё оружие. Я тогда не знал, каким оно будет, и это неведение не давало мне уснуть. Я много думал, смотря на звёзды, думал о том, зачем хочу быть воином и о том, какую судьбу уготовили мне боги. Мне казалось, что в небе пролетают большие птицы, одну я видел совсем чётко, она не махала крыльями. Ночь – время мистических существ и духов. Где-то в лесу бродит Гогото, но мне не нужно бояться, сегодня я не ребёнок и теперь не нужен Гогото.

Я проснулся на рассвете. Над поселением поднимался дым. Это готовят костёр, ведь сегодня будет праздник, и нужно жарить много мяса. Медведя уже скоро принесут, или уже принесли.

Я пришёл в деревню. Меня уже ждали вождь Маисей, шаман и ещё двое очень уважаемых людей в нашем поселении – старейшины, мудрые как море, старые как горы. Лица вождя было почти не видно из-за бороды, хранящей остатки пищи, и густых пепельных волос, круглой шапкой лежащих на овальной голове. Тело его было укрыто накидкой из волчьих шкур. Он держал посох, на конец которого была надета голова странного существа – круглая белая голова с огромной улыбкой, нагоняющей тревогу, у существа были большие чёрные круглые уши («игрушечная голова Микки Мауса»), звали это существо – Мимау. Его дух был хранителем нашего вождя. Лиц старейшин видно не было, их скрывали деревянные маски свидетелей, треугольные прорезы для глаз и маленькая щель рта с детства нагоняли на меня холод. Эти маски надевали в случаях, когда нужны были свидетели ритуала, но действие ритуала было предназначено для кого-то конкретно. В моём случае ритуал проводился только для меня и по этому в масках были шаман и старейшина. У вождя была другая маска, с большими круглыми прорезями для глаз и кричащим ртом. Пока он её не надевал.

У огня лежал ягнёнок, ноги его были связаны, чтобы не убежал. Шаман быстро сменил мне повязку, я взял ягнёнка на руки, Маисей надел маску и мы отправились в лес, в священную рощу. Вождь не проронил ни слова за всю дорогу, хотя его маска позволяла говорить. Маски были нужны для того, чтобы дух или божество чётко понимало для кого проводится ритуал, чтобы благословение или наказание не пало на свидетелей ритуала.

Перейдя реку, не останавливаясь мы направили свои шаги дальше, священная роща уже близко. На сырой мягкой земле было немало следов, в основном кабанов и коз, встречались и волчьи. Сейчас мне не очень понятно, почему там всегда было столько следов, ведь водопой в другом месте, да и сочные травы и корни тоже находятся не здесь. Тогда всё объяснялось очень просто – тут живёт дух леса и дарит жизнь и силы всем зверям.

Мы подошли к алтарю – старому пню с толстым и широким обломком дерева, торчащим с краю. Поверхность пня была обработана так, чтобы стать гладкой, а на обломке был вырезан лик лесного божества. С давних пор тут рос огромный дуб, и когда-то давно под тяжестью снегов у него обломилась ветка, и на том месте возник лик. С тех пор тут проводили подношения лесу. Пять лет назад дуб совсем одряхлел и упал, из пня сделали алтарь и для сохранности смазывали его маслом или смолой.

Я положил ягнёнка на алтарь...

Нас догнал мой отец, высокий рослый мужчина в соломенной шляпе, он был земледельцем, о том говорили сильные руки и сгорбленная спина, его тело было почти чёрным от загара. Я уже переживал, что он не успеет, я хотел увидеть его лицо, когда он узнает, что я воин. Традиции нашей деревни были таковы: никто, кроме старейшины и назначенного наблюда-

теля, не знает, какое испытание выпадет юноше; когда испытание пройдено, наблюдатель бежит в деревню и сообщает об этом, но не говорит, каким было испытание.

Отец, заметив маски свидетелей на лицах остальных, отошёл на пару десятков шагов назад, он забыл свою маску. Конечно, это не спасало от наказания лесного божества, если оно всё же разгневаётся, отец это знал. Он смотрел на меня, на мою повязку. Похоже, он гадал, что за раны у меня. Я видел на его лице тревогу, даже маленькая рана может быть смертельной. Но его лицо в тот момент было не таким простым, оно говорило ещё что-то...

– Гор, сын Солнцемира, – начал Маисей с важностью. – Вчера ты стал мужчиной, пройдя испытание. Но ты не просто мужчина, убив медведя...

Тут лицо моего отца исказилось, я не мог понять его выражение, восторг ли то или страх, оно содержало в себе неведомую мне эмоцию, редкую в другие дни. Язык отца был очень беден, ему некогда было говорить. Долгими днями в поле или саду рот отца напевал песни без слов или обращался к богам. Люди наших земель знали не очень много слов, со многими годами ушли от нас многие слова. Наши люди хорошо умели говорить лицом и слушать глазами

– ... ты взял большую судьбу. Ты есть воин. Теперь ты есть защитник нашей деревни. Называю тебя девятым воином и будет теперь так!

До меня в деревне было восемь истинных воинов. Они не охотились, не рыбачили, не строили, не занимались скотом, не пахали. Они умели всё это, но статус воина запрещал им чем-либо из этого заниматься. Они защищали деревню от зверя и от человека, путешествовали по диким землям, приводили в деревню новых людей и приносили предметы древних времён, что обронили боги с небес или те, что остались от древних людей, такие как амулет у шамана. Их было восемь, в этот день я стал девятым воином Прибойя.

– Но теперь ты должен успокоить дух леса, – сказал шаман, протягивая мне нож.

Я взял поданный мне ритуальный каменный нож, повернулся к лежащему на алтаре ягнёнку. Глаза его были наполнены страхом, он глубоко и часто дышал. Моё сердце билось быстро от волнения. Это очень важный момент моей жизни: проведя ритуал, я стану воином, пока ещё я могу отказаться. Но отказываться я не собирался, я старался запомнить этот момент и запомнил его.

– Не бойся, – сказал я, подойдя вплотную к алтарю. – Ты был рождён для этого, твоей судьбе позавидуют многие собратья.

Я проверил остроту ножа пальцем, затем нанёс им неглубокий порез на левой ладони. После я разрезал верёвки на ягнёнке, и тот быстро соскочил с алтаря. Я крепко сжал кулак, несколько капель крови упали на алтарь.

– Живи свободно и не возвращайся, – уходя сказал я ягнёнку, стоявшему в кустах поодаль.

Просьба не возвращаться была сказана не просто так. Дело в том, что, если он вернётся в деревню, это будет означать, что лес недоволен, а это, в свою очередь, повлечёт необходимость других ритуалов, да и вообще это к беде.

В деревне шло приготовление к празднику, запекали мясо и овощи, запах их разлетался далеко, дразнил нос каждого. У меня ещё было время, и я решил идти к своему деду, сказать ему о событии. В моём возрасте он не прошёл испытание, он не спустился в железную пещеру и не достал предмет, испугался. За провал испытания его выгнали, ибо трус может предать, а жить с предателем, ожидая его времени, никто не хочет. Но я деда любил, он многое знал и умел. Он не был червём, прячущимся под трухлявым пнём. После изгнания он переродился и стал искателем. Он искал не только вещи, но и слова. Благодаря ему мой язык богаче многих языков нашей деревни. Дед многому учил меня, а я умел учиться. Когда я уходил из жилища деда, мой ум был сыт и долгие дни переваривал свою пищу. Таким был мой дед.

Пройдя по длинной песчаной косе, я пришёл к подножию Вороньей скалы. Из небольшого грота поднимался синий дымок, значит, дед дома. На площадке перед гротом на перекладине сушились две лисьи шкуры. Стояло длинное корыто, выдолбленное в толстом стволе дерева. Изнутри его стенки были ещё мокрыми. Это корыто для мытья тела, дед наполнял его горячей пресной водой, ложился в него, вытягиваясь в полный рост. Он любил откисать в нём по пол дня, пить лёгкий пьянящий настой, смотря на море, считать волны и придумывать земли, что могли бы быть за вечной водой. Дед умел найти время и место чтобы насладиться жизнью.

Я вошёл в его жилище. Наша с отцом лачуга была маленькой, а это место было большим, тут можно было построить три или четыре таких лачуги. Я чувствовал в этом месте тайну, чувствовал высокое, что-то, что выше жителей Прибойя. Это чувство не пугала, оно манило, тут я чувствовал себя хорошо.

У раскалённых углей сидел мужчина, низкого роста, но крепкий. Тёмные с редкой проседью волосы завязаны в хвост. Густая борода была заплетена в маленькую косичку. Его одежда всегда отличалась от нашей, была из неведомого нам материала и имела цвета, которых мы не могли добиться. Сейчас же он сидел в одних коротких штанах (шортах) цвета морского песка. Он сидел, напевая какую-то мелодию, которой я не знал, и вертел над углями несколько рыбин нанизанных на палки.

– О, кто пожаловал! – Возликовал он, вскинув руки. – Внук! Что с тобой, почему перемотан?

Никто в деревне не говорил «пжаловал», это и выделяло деда. В разговоре со мной он специально подбирал редкие слова и говорил сложно чтобы я научился говорить так же.

– Я прошёл, я теперь мужчина, – гордо заявил я.

– А, эти ваши варварские традиции. Что за испытание было?

– А тебе разве никто ещё не сказал? – Удивился я, сев напротив.

– А кто? Твой отец? Он не заходил ко мне уже около двух лет. Эх, надо было его всё же бросить в лесу младенцем, а не нести в деревню.

– Тогда не было бы меня.

– Точно. Ты умён.

Он протянул мне жареную рыбу. У него она всегда получалась будто бы вкуснее.

– Я убил медведя и стал воином.

– Ох ты ж мать моя! Ну ты и впрямь боец, такого зверя победить в бою. Теперь жизнь твоя станет куда интереснее... и опаснее. Значит, скоро пошлют гонца к соседям, жениться пора. Ты не присмотрел себе женщину?

– В Прибойя нет женщин нужных мне лет. Надеюсь, повезёт больше, чем соседу.

– Надейся. Лучше поторопись и найди женщину сам. – Он подгрёб угли к середине очага, положил пару не толстых обломков дерева, что море часто выбрасывало на пляж штормом. – Ваш старейшина приходил пару дней назад, предлагал жить в деревне и стать полноправным членом её общества.

– Наконец-то!

– Я отказался.

Тогда я не понял его решения, да и сейчас не полностью понимаю, ведь можно было жить по-своему, но при этом всегда рассчитывать на помощь.

– Меня выгнали в твоём возрасте, сейчас мне сорок шесть лет. Я привык за эти годы так жить. Оставим этот разговор, – Он подбросил в огонь ещё палку, но не для жара, а показать, что разговор закончен. Выбрал самую тонкую, показывая тем, что разговор о возвращении для него мало значит и не интересен.

Он поставил на угли глиняный чайник.

– Сейчас я угощу тебя кое-чем. Это кофе.

Он ушёл вглубь грота и вернулся со странным сосудом. Он был мягким, но держал форму. Цвет его был голубым, как небо, а форма походила на грушу (клизма со срезанным верхом). Внутри оказалось нечто, похожее на землю.

– В своём пути я встретил человека, он из других земель, из тех, от куда не возвращаются наши путники. Я так много хотел спросить, но не стал донимать его многими вопросами, к тому же он спешил... кое что я смог узнать...

Вода в чайнике закипела, он высыпал туда немного этой земли и размешал палочкой.

– Этот человек указал мне путь через горы, в другие земли, те, что идти на север.

– Он пришёл с севера?! Где ты его встретил?

– В Тёмных землях, я знаю ход туда. Он пришёл из земель к северу от Туманья, там живут люди. Они живут далеко.

– Я слышал что люди из других деревень часто отправлялись искать новые земли. Идя ногами по земле или на лодках по морю на запад они иногда возвращались, говорили о неведомых монстрах и злых людях, их ум был сломан. Но с востока и севера не возвращались.

Дед снял чайник с углей, отставил.

– С севера немногие возвращались. Кто-то не смог перейти горы, кто-то переходил и не находил там людей, пугался и возвращался. Те, кто уходили в пустошь на востоке, никогда не возвращались. Уходящие никогда не приходили, но приходили другие люди...

– Я не слышал об этом.

– Это знают только вожди и старейшины, они не говорят об этом другим людям. Вижу твой вопрос. Те, что приходили с пустоши были будто из других миров. Некоторые говорили на других языках, некоторые приходили зимой в лёгких одеждах, они говорили что пришли от туда, где лето, другое море и травы большие как деревья, где никогда нет снега. Некоторые рассказывали что видели пустые города древних богов, такие, какие не сможет представить ни один ум.

Когда отвар немного остыл, дед отпил сам, а после передал мне. На вкус это было нечто горькое, первый глоток мне не понравился, но после я распробовал, что-то интересное было в этом вкусе.

– Гор, твой ум должен стать ситом, ты должен уметь просеивать все слова которые слышишь. Далеко не всегда люди говорят правду. Об этих чужеземцах никто не знает не потому, что старейшины хранят молчание, а потому что их не было или они были очень давно.

– Камень на дне реки обрастает слизью и водорослью, так истории с течением времени обрастают ложью. Так?

– Сын моего сына, ты хорошо и верно сравнил, крепко скрутил слова. Дно, что держит на себе камень, это старики и старухи, люди без дела, что греются у огня весь день, они помнят то, чего не было. Спроси их о чём-нибудь сегодня и спроси о том же через десяток дней, истории будут разными. Я вот о чём хотел сказать, я собираюсь в поход на север. Путник сказал, что далеко есть Живая гора и в её недрах лежат знания о богах и древних людях, там скрыта истина о нашем мире. Думаю, к этому я шёл всю свою жизнь.

– Когда ты уходишь?

– Этим летом. Пока я буду готовиться.

Я знал, что придёт день, когда он отправится далеко за границы наших родных земель. Я не хотел его отпускать, но и просить не идти я не мог, это дед, свободный дух во плоти. Я почувствовал как волна тоски накрывает меня по ещё не ушедшему деду. Горькое чувство. Я понимал, что в ближайшие дни он не отправится в этот, скорее всего последний путь. Я должен был обдумать его слова и решить, что делать мне.

– А где твой друг? – спросил я, выходя.

– Он высматривает землю за морем.

– Так её ж там нет.

– А он высматривает, глянь вверх.

На вершине скалы на торчащем из неё корне висел скелет в лохмотьях. Рваные тряпки и остатки плоти трепал ветер.

– Три месяца назад он мучился от зубной боли и лихорадки, ничего не помогало, вот и пошёл посмотреть на землю за морем. В этот поход я ходил уже один.

– И как я его не замечал? А ты в прошлый раз ничего и не сказал.

– Так ты и не спрашивал.

Глядя на скелет, я достал из мешочка на поясе маленький кусок смолы, стал жевать. В наших диких землях зубная боль это настоящее испытание для человека, лучше её не пускать.

Собралась вся деревня, земледельцы оставили огороды и сады, пастухи пригнали с пастбищ скот и оставили его в большом загоне. Весь день шли приготовления. Прикатили две синие бочки с брагой. Два года назад бочки подарил нам бог моря (пластиковые двухсот литровые бочки). Пришли старейшины из других деревень, чтобы посмотреть на нового воина. Они были приглашены заранее, некоторые провели в пути четыре дня, а старейшина самого дальнего поселения – семь. Они шли, ещё не зная, на какое событие попадут, праздник или похороны, ведь я мог и не победить в той схватке. У каждого из них были по два спутника, несущих сосуды с вином.

Много людей было. В главном зале пировали старейшины, воины, шаман, почитаемые жители деревни. Теперь там было место и мне. Остальные же пировали на улице. Но это было лишь началом, потом группы смешивались. Раньше подобные события я видел со стороны, дети обычно не допускались в главный зал во время пиров.

Стоя на пороге главного дома, Маисей говорил речь. Он упоминал великих героев, их подвиги. На руках его лежал некий предмет, накрытый толстой тканью. Это моё оружие. Тогда время тянулось долго. Я не слушал речь, я гадал, каким оно будет, представлял себя с ним.

«Предмет не длинный. Может, это молот? А может, короткий меч, как у Ратибора?»

Вождь говорил, поглядывая на солнце, скрывающееся за морем, тень ползла по его ногам. Когда тень начала пожирать ткань, скрывавшую оружие в его руках, он наконец окончил речь и велел мне приблизиться.

Я помню каждый свой шаг, помню, как тень поглощала ткань нить за нитью. Шаман сдёрнул накидку с предмета, и я увидел его...

Железный боевой топор лежал в сухих ладонях. Тёмно-серый металл был чист и нов, без трещин и вмятин. Железной была даже рукоять. Последние лучи солнца лежали на оружии. Я решительно взял его в руку, и лучи погасли, солнце село.

Теперь я понимаю, зачем вождь тянул, он хотел добиться именно такого эффекта, Маисей любил и умел делать эффектно. Под хлопанье рук, одобрительные вопли и улюлюкания я поднял топор над головой, чтобы все его видели.

Начался пир. Перед тем, как я вошёл в главный зал, ко мне подошёл отец.

– Сегодня ты взял топор воина, сегодня ты будешь пить брагу. Будь осторожнее с ним сегодня, – сказал он. – Помнишь день Ратибора? Боги помогут тебе, сын.

– Я помню день Ратибора. Это будет ещё одним испытанием для меня.

Сказав это, я вошёл внутрь, отец остался снаружи.

Ратибор – известный в нашей деревне воин. Он знаменит не подвигами или открытиями, просто он всегда был на слуху... полноватый невысокий мужчина, с маленькими лисьими глазками, бросающими быстрые взгляды, русый косматый волос, похожий на медвежью шерсть. Семь лет назад Ратибор тоже стал воином, и тоже был пир. Впервые испив браги, он изме-

нился, впрочем, этот напиток меняет всех. Когда гулянья разгорелись как жаркий костёр, он стал размахивать мечом, будто убивает врагов. Так вышло, что он задел им одного из гостей, и тот получил серьёзную рану. Тогда Ратибора посадили в яму на четырнадцать дней. С тех пор на праздниках он отдаёт меч кому-то из товарищей.

Посреди зала был большой прямоугольный очаг, выложенный из камней и глины. Огненные ящеры ползали между толстых пней и брёвен, сложенных в очаге, медленно пульсирующих жарким углём. Ещё несколько дней назад моей обязанностью было по очереди с другими детьми выносить золу из этого очага. Теперь я воин и не должен этого делать, а должен наслаждаться теплом и слабым светом его огня. По краям очага стояли грубо сколоченные столы с пищей и питьём в деревянной посуде. Крепкое питьё наливалось в рога. Из рогов пили высокие люди деревни, такие как вождь или воины. Рог у каждого был свой и размер был у всех разный. Размер рога говорил о стойкости и здоровье человека, ведь было принято наполнять его полностью и выпивать содержимое рога за один раз. Рог, не кружка, нельзя отпить и поставить, не можешь выпить разом – бери рог меньше. По этой причине у старейшин были самые маленькие рога, они не могли много пить да и долго держать его в руке тоже не могли.

Я занял место среди воинов. В углу сидели музыканты, двое играли на флейтах, двое на барабанах. Один играл на гитаре, это был старый воин, и этот инструмент он принёс из своего последнего похода, в котором и научился играть на нём. Этот воин хорошо знал моего деда и нередко путешествовал с ним, именно после таких путешествий он возвращался с особо ценной добычей. Теперь он стар и не воин, он очень уважаемый в деревне человек. Почему он играет с музыкантами, а не сидит рядом с вождём? Он любит музыку.

Глава сказал несколько слов поздравления, и мы начали пить и есть. Женщина Ратибора, крупная некрасивая баба без половины зубов и неровным от старого перелома носом, взялась в этот день наполнять рога питьём.

Я впервые попробовал вино. «Оно прокисло», – сказал я тогда, это вызвало смех. Чуть позже все повеселели, музыканты заиграли бодрее, разговоры стали громче. Воины оценили мой топор как славное, быстрое и надёжное оружие. Топор прост в бою и хорошо подходит новому воину без умений. Они стали рассказывать истории о своих походах. Я слушал об их подвигах с восторгом. С каждым их словом, с каждым глотком веселящего напитка я всё больше вдохновлялся. Во мне вскипала жажда отправиться в путь прямо сейчас, сразиться с какими-нибудь тварями и вернуться в деревню героем.

Дальше мы вышли на улицу. Начались пляски и песни. Необузданное пламя большого костра задавало ритм. Музыканты прекращали играть, только чтобы осушить по кружке браги. Все пили и веселились. Я не очень хорошо помню, что было дальше...

Гулянья продолжались и на следующий день, вообще такие мероприятия продолжались дня по три, бывало и дольше. Наутро мне было очень плохо, и никакого праздника уже не хотелось. Мне даже приходила мысль, что кто-то из гостей отравил меня, не хотел нового воина для Прибойя. Воины смеялись над моими опасениями. По их совету, я омылся потоками ближайшего водопада и выпил вина через силу. Вскоре я снова повеселел.

Когда солнце было в зените, я и ещё несколько человек из нашей деревни отправились на Светлый холм для подношения. Так было положено – делиться радостью с богом.

Мы поднялись на холм, на вершине его – столб, вырезанный из ствола дерева идол. Он был в виде человека, на одежде его был нарисован знак в виде скрещенных палок (красный крест, спасатель). Легенды говорят, что больше двух сотен лет назад, когда в этих землях обитали дикари, был великий вождь, покорявший мелкие племена и объединявший их в одно. Звали вождя: Кулак, потому что он не пользовался оружием и убивал врагов кулаками. Однажды на этой самой поляне он сражался с огромным, словно дикий бык, волком. Он убил волка, но был смертельно ранен. Тогда с неба спустился бог верхом на летучей рыбе (на вер-

толёте). Бог вместе с ангелами забрал Кулака в город на небе. Тогда все решили, что вождь умер, но через много дней бог вернул вождя здоровым и даровал ему железные перчатки. Сам вождь позже собрал всех вождей этих земель и сказал, что был в раю, и что теперь знает, как нужно жить.

Мы положили у ног идола кувшин вина, корзину фруктов и немного вяленой рыбы. Обычно на следующий день подношений не было. В тот день в мою голову закралась грешная мысль, и я захотел её осуществить...

Когда светило опустилось за море, я отправился на Светлый холм, чтобы осуществить свой дерзкий план. Это всё брага, она подгоняла меня совершить этот поступок.

Скрылся в лесу, огляделся – никто не смотрит. По пути к холму мне так и хотелось петь, но я помнил о том, что нужно вести себя тихо. Мысленно я напевал балладу о Кулаке. Эта баллада состояла из многих куплетов, тогда я ещё не знал такого числа (108), она описывала всю жизнь великого вождя. Конечно, большинство знало лишь отдельные отрывки из неё.

Наконец я был на месте. Я лёг в корнях кустарника и стал наблюдать за идолом. Лицо идола смотрело в другую сторону, не на меня, это вселяло надежду, что Бог меня не увидит. Я представлял, как с небес падёт свет, и в этом свете спустится верхом на небесной рыбе человекоподобное божество. Будет играть музыка, всё, как в легендах. Тогда мои чувства были смешанными, я не считал себя грешником, я считал, что делаю нечто стоящее, что обо мне сложат песню. Но я всё же сомневался, ведь это считалось оскорблением наших верований.

Прошло немного времени, ночь ещё не покрыла землю, и всё было видно. Со стороны деревни доносились смех и песни. В голову закралась мысль о том, что надо уйти, пока не поздно. Только я собрался подняться и уходить, как заметил в небе странное существо, оно приближалось. Это была не птица, не было крыльев. Оно было похоже на гигантское насекомое. Большое тело, покрытое панцирем, четыре лапы, три глаза – один впереди, другой на брюхе, третий на спине. Но самое странное – это как он летал, у него были ещё четыре конечности с маленькими крылышками на концах, они крутились! (беспилотник).

Существо заметило меня и приблизилось. Я встал, не зная, как себя повести в этой ситуации. Оно приблизилось ко мне, облетело вокруг. Верхний и нижний глаза его вращались в разные стороны. Я усомнился, а не злых ли сил это посланник, уж очень пугающе он выглядит – весь чёрный, страшный и жужжит, как мухи над трупом. Я потянулся за топором, висящим в петле на штанах. Вдруг существо вспыхнуло красными огоньками и стало издавать странные жуткие звуки. Мне хотелось бежать, и я поддался своему желанию.

Пробежав немного, я вспомнил, что я воин. Я тогда решил, что должен защитить подношения от зла. Выхватил топор и побежал обратно.

Проклятое чудовище уже вцепилось одной лапой в кувшин, другой – в связку рыбы, третьей – в корзину, четвёртая была свободна.

Я занёс топор над головой и с криком «верни» бросился на монстра. Я вцепился в корзину, хотел разрубить это существо, но оно послало на меня молнию. Моё тело будто укололо множество шипов. От испуга я отпустил корзину. Чудовище не стало сражаться, испугалось и улетело, забрав подношения.

– Отдай! Это не для тебя! – Закричал я.

– Успокойся, – вдруг раздался незнакомый голос за моей спиной.

Я обернулся, готовясь нанести удар, но там никого, только идол.

– Это мой помощник, он отнесёт дары мне.

Голос исходил из самого идола. Я не знал, как реагировать, не убегу же я, когда со мной говорит ОН. Я упал на колени и приклонил голову к земле.

– Прости, я не хотел тебя оскорбить. Я думал, подношения кто-то ворует, и они не достаются тебе. Я думал...

– Ясно... ты новый воин? Как зовут тебя?

– Гор, сын Солнцемира, земледельца.

– Встань, воин.

Я встал, убрав топор в петлю.

– Твоя храбрость удивляет меня. Приди сюда через одно полнолуние, я награжу тебя.

Теперь уходи и веселись.

Я замялся. Идол молчал.

Я вернулся в деревню и, стараясь не выделяться, продолжил веселье, главное не забыть о том, когда нужно прийти.

На следующий день к обеду вождь позвал меня к себе и повёл к меховому дому. Это была обычная хижина, но в ней занимались выделкой шкур, пошивом и ремонтом одежды, потому это место и звали меховым домом.

– Ты теперь воин, – сказал вождь, когда мы пришли, – а воину нужна защита.

Две женщины положили передо мной мою броню, вождь велел мне надеть.

Это была очень лёгкая кожаная броня, она была собрана из толстых ремней. Согреть она никак не могла, так как имела много открытых мест, зато в ней было легко и удобно двигаться. Руки мои защищали деревянные пластины, покрытые шкурой с лап медведя, даже когти остались. Прочный капюшон переходил в наплечники. На пояском ремне имелось множество креплений для бурдюков, маленьких сумок и оружия.

Женщины поправили на мне броню, объяснили, где, что и как сделать, чтобы затянуть или расслабить ремни. Моя первая броня, она казалась мне сложной и надёжной. Для наших земель это не плохая броня, но далеко не лучшая.

Мы с вождём вернулись к общему дому. Я шагал гордо. Со стороны я не мог себя видеть, но был уверен, что броня мне к лицу. Я снова был в центре внимания, и только Ратибор сказал мысль сомнения, что против большого зверя в такой броне не пойдёшь. На это я уверенно ответил: «Медведя я без брони свалил».

– Время первого похода для нового воина, – объявил Ратибор так, чтобы слышал каждый, кто смотрел. – Гор, я пойду с тобой в этот поход.

Первый поход был традицией, я не знал, куда уходили молодые воины, но обычно они возвращались очень скоро.

– Идём.

Под ободряющие вопли и свист я и Ратибор направились по тропе вглубь леса. Совсем скоро мы дошли до указателя с табличкой, на которой было выцарапано «Прибойя» (название нашей деревни) и нарисована волна.

## ГЛАВА 2. Чёрное перо

Мы шли налегке, это значило, что наш путь недалёк. Это не вызывало у меня большого восторга. Я знал все тропинки, помнил каждое дерево в окрестностях нашей деревни да и на некотором расстоянии за чертой наших владений.

– Ратибор, когда ты в последний раз убивал чудовище? – спросил я.

На такой вопрос воин не мог ответить двумя словами, и Ратибор начал свой рассказ. Эту историю про то, как он сражался с огромным волком, я уже слышал, но рассказы путешественников и воинов интересны тем, что, рассказывая одну и ту же историю, они каждый раз приносили её ушам слушателя по-разному.

Мы покинули наши владения, поля и сады были позади. Мы шли не быстро, пробираясь сквозь заросли лопуха и папоротника. Обувь я с собой не брал, как и Ратибор. Сырая земля под ногами дарила лёгкое ощущение прохлады, так необходимое в этой душной чаще. Я шёл, намеренно создавая шум, шурша листьями лопуха, ломая сухие сучья, надеясь, что змеи испугаются и вовремя уйдут с нашего пути.

Наконец мы вышли из чащи к ручью. Впереди возвышался Облачный пик. Это гора с крутыми скалистыми склонами и редкими островками травы. Это место считается запретным, и ходить сюда можно только воинам, старейшинам и шаманам. Я знал, что это место запретное, но почему, и что там наверху, мне тогда было неизвестно.

Однажды я тайком пришёл к этому ручью с другом, то была лунная осенняя ночь. Мой друг, Тио, мечтал стать воином, его всегда вели мысли о больших и опасных делах, мысли о новом. В тот раз он захотел раскрыть тайну Облачного пика, подняться на его вершину. Мы прошли к вратам пика – двум копьям с козлиными черепами на концах, воткнутыми по обе стороны тропы. Я побоялся наказания духов, мне казалось, что они смотрят на меня из глазниц черепов. Я не пошёл. Тио смеялся надо мной, говорил, что мне только в земле копать да червей для рыбаков собирать. Его слова злили меня, но я всё равно не пошёл. Мой отец, Солнцемир, сильно верил в богов, много им молился, говорил благодарные слова, старался не отвлекать просьбами и, конечно, очень боялся их гнева. Отец и мне передал эти чувства к богам, сколько смог. Тио отправился один. Злой на его слова, я не стал ждать его, выбросил сигнальный рог и отправился в деревню. К вечеру следующего дня его, побитого и высеченного лозой, за ухо приволок шаман. Тио показательно выпороли, будто мало ему досталось от шамана, посадили в яму, хотели совсем выгнать из деревни. В яме он просидел до морозов, всё это время я носил ему еду и воду, а когда стало холодать, носил дрова, чтобы он мог жечь костёр и греться. За помощь ему от отца я получал палки. В то время много чувств было во мне: я чувствовал себя умнее и выше Тио; чувствовал вину перед людьми за то, что мешал Тио терпеть наказание, помогая; чувствовал вину перед Тио за то, что не смог отговорить, что не подождал и не подал сигнал о пришедшем к вратам шамане, потому и помогал. Много мыслей наполнили мою голову, многие были злы на меня и вождь грозил привязать меня к дереву, но я всё равно помогал, хотя Тио и не хотел со мной разговаривать. Чуть больше года назад пришёл его день, но ему досталось рыбацкое испытание, он прошёл его и стал рыбаком. Тио злился и не хотел всю жизнь ловить рыбу. Когда вождь вручил ему весло, Тио сказал: «Значит, это будет моим мечом». Только я тогда понял его слова. Той же ночью я проводил его до границы наших владений. Он сказал, что будет воином и докажет, что это его судьба, а в насмешку над нашими порядками будет сражаться веслом. Он сказал, что не держит на меня зла и что оставит мне место для подвига.

Напившись воды из ручья и отдохнув немного, мы продолжили путь.

– Теперь эти врата для тебя открыты, Гор, – сказал Ратибор, остановившись у врат. – Ты можешь пройти в них всегда, когда захочешь.

Мне вновь казалось, будто духи смотрят на меня, но теперь с уважением и одобрением. Я хорошо помню этот шаг, как мои ноги перешли линию, которую не видели глаза, но видел мой дух, как это место поприветствовало меня порывом знойного ветра.

«Духи смотрят на меня, оценивают».

Я выпрямил спину, расправил плечи. Теперь я чувствовал себя частью чего-то важного, одним из избранных, ведь не каждый может сюда пройти, а я могу.

Подъём был крутой, местами приходилось карабкаться по скалам. Солнце село, стало быстро темнеть. Мы взобрались на просторный выступ, покрытый травой. Эта площадка и послужила нам ночлегом. Ратибор сказал, что завтра к рассвету мы уже будем на месте, и лёг спать. Я же сел на край и смотрел, пока совсем не стемнело. Смотрел, как солнечный свет покидает вершины дальних гор, как над ближайшей деревней поднимается дым от костров, как волнуется море. Смотрел на звёзды и думал – как они висят и не падают. Некоторые считают, что небо твёрдое и звёзды закреплены на нём, но дед говорил, что это не так. Своему деду я верил больше, чем кому-либо, хоть он и был изгоем. У деда отношения с богами были дружеские, он не боялся их и потому задавал много вопросов, много думал и наблюдал. Он много и часто путешествовал, много видел и слышал, очень много знал. Он научил меня различать буквы и составлять из них слова, научил понимать числа. В наших диких землях очень мало людей умели писать и читать, да и цифр знали не много. Я часто бывал у деда.

Наконец стемнело, и, кроме звёзд, стало больше ничего не видно. Я лёг спать.

Близился рассвет. Мы со спутником продолжили восхождение. Продлилось оно недолго, вскоре мы достигли вершины. На самом верху находился каменный кулак, выдолбленный из скалы, рядом – каменная чаша с водой. Возле чаши на каменном стуле сидел скелет в лохмотьях, на руках его – железные перчатки, не тронутые временем.

Я стоял разинув рот, ведь это могила Кулака! Я стою пред великим вождём!

Ратибор отвесил мне подзатыльника, велел поклониться вождю и поклонился сам.

– Здесь обрёл покой великий воин, – говорил Ратибор. – Кулак любил подниматься сюда. Он приказал сделать ему каменный стул здесь, смотри, не тронь. Когда он понял, что жизнь его скоро придёт к концу, он поднялся сюда, сел и умер. Он так и хотел, не в земле червей кормить, а быть ближе к летающему богу, который его спас.

– Об этом поётся в балладе?

– И он, со старостью борясь, взбирался день и ночь. Поднявшись, он воссел и ушёл из жизни прочь, – пропел Ратибор. – Помню только это.

Солнце поднималось из-за гор, его лучи покрыли вершину Облачного пика.

– Пора. Опустить свой топор в чашу.

Я погрузил своё оружие в воду в чаше.

– Теперь оставь им след на камне.

Он указал скальный кулак, на котором уже было множество отметин.

– Только не на большом пальце, он для вождей.

Я замахнулся и с силой ударил топором о скалу. Топор со звоном отскочил назад, руки сковала ломота.

– Кулак бы одобрил. Молодец. Здесь оставил след каждый воин из нашей деревни со времён Кулака.

Я был горд собой, вот он – мой первый след в истории.

Мы вернулись в деревню. Вечером того же дня я сидел у костра и рассказывал детям о том, где был, ведь это не запрещено. Мы с Тио не знали, что там, потому что нам никто не рас-

сказывал, боялись вызвать ещё больший интерес. Я не слишком задумывался о возможных последствиях своего рассказа. Мне хотелось поделиться. На следующий день я ходил к деду, но его не застал.

Я не забыл о том, что должен был прийти к идолу на Светлом холме. Пришло то полнолуние, и, дождавшись, когда деревня уснёт, я отправился за наградой.

Оглядевшись, я вышел на холм. Полную луну скрывали облака, но её свет всё же пробивался сквозь них и касался мокрых от росы трав.

– Я ждал тебя, – раздался голос из идола. – Возьми эти дары.

У ног его, куда мы обычно кладём подношения, лежали два предмета. Я взял их, осмотрел. Первый – мешочек с чем-то рассыпчатым внутри, второй – амулет. В темноте я не смог его разглядеть. Похожих амулетов я не видел, его верёвка состояла из железных колец, а сам амулет был маленьким, плоским и красным (в форме трёхконечной звезды), на другой его, белой стороне, была написана буква «А»

– За весь этот песок тебе могут дать многое, шаманы его очень ценят. А этот амулет оставь себе. Возьми его с собой, когда отправишься в большой поход. А теперь ступай.

Я поблагодарил и ушёл

До утра я просидел на берегу, думая о том, что один из богов мне что-то подарил. Боги иногда одаривают шаманов и вождей, но я... мысли о собственном величии стучались в мой череп, но голос деда, обитавший внутри него, не хотел впускать их.

С приходом солнца я отправился к деду. Завидев дымок из его жилища, я был уверен, что он там. У скальной стены в лучах утреннего солнца сушились большой меховой рюкзак и походная одежда деда со множеством карманов, петель и шнуров.

«Хочу такую одежду, пойти в меховой дом и попросить? Мне нечего дать за такую работу».

Дед сидел у очага, дуя на угли и напевая что-то.

– Где ты был? – Я стряхнул песок со стоп перед входом в жилище Свободы.

Он продолжал дуть. Наконец огонь зацепился за палочки, сложенные шалашом, и стал поедать их.

– Я ходил в железную пещеру. Я прошёл до конца. Много там невиданного. Снова убедился, что древние люди были умнее нас и владели магией. Там есть много железа которое можно расплавить, это место подойдёт для твоего похода. Кроме страха там нет врагов, иди смело.

Он ушёл вглубь грота и вернулся с сумкой, стал доставать из неё «добычу». Он достал прозрачный предмет с двумя усиками внутри, (лампа накаливания). Достал нечто похожее на медузу, но твёрдое (толстая линза).

Он вышел с ней на улицу и сделал так, что от неё на высохшие водоросли, разбросанные по пляжу, упал луч света. Водоросли загорелись.

– Колдовство! – Я дал молодому огню высохшей коры. Огонь был обычным, но мне он казался магическим. – Ты их даже не коснулся, – я бережно дул на слабый огонь.

– А ещё она показывает то, что мы не замечаем.

Он дал «медузу» мне. Я посмотрел в неё и смог разглядеть каждую песчинку, крохотных существ, бегающих по гнилому куску дерева. Я и не замечал раньше таких мелочей.

Мы вернулись к костру. Дед подкормил огонь сухими палками без коры.

– Древние люди владели божественными знаниями и умениями. Мы можем их при... как?... применять, вот, запомни слово. Я хотел бы узнать больше о древних инструментах, но в наших землях никто не владеет такими знаниями. Я пойду к живой горе в тёмные земли и найду такого шамана, который сможет рассказать мне больше о древних.

– Возьми с собой.

– Я-то возьму... а вот старейшина ваш... Маисей... этот упёртый баран, мозг его сохнет. В другие годы он тоже был упёрт, но верные мысли жили под его волосами. Теперь он стар и тупеет с каждым годом, он больше не хочет ничего менять, не хочет нового. Так просто покинуть родные земли тебе не позволят. Ты воин, можешь ходить в походы и жить вольно, но в случае чего должен первым встать на защиту деревни. Ты нужен там, а отпустить тебя в тёмные земли для них всё равно что потерять. Много может быть, что мы не вернёмся.

– А если я оставлю что-то взамен?

– Что ты оставишь? У тебя нет ничего. Ты самый молодой воин, ты не заимел свою землю, ты не заимел женщину и не дал жизнь новому человеку. Сейчас ты должен выплатить долг Прибойя.

– Долг? Я не брал долг.

– Что ты говоришь? – Свобода громко рассмеялся. – Ты это слышал? – он обратился к огню и рассмеялся громче. Огонь заплясал издевательски насмехаясь надо мной.

Я понимал, дед смеётся не с тем чтобы оскорбить мой вопрос, и не потому что так смешно, он указывает мне на мою глупость, но делает это не зло.

– Гор, ты можешь посчитать сколько ты съел за свою жизнь? Сколько дров было отдано огню, чтобы он грел тебя? Хотя бы это посчитай.

– Эти дрова я сам собирал, сам ломал и не только для себя. Я пас стада когда один из пастухов был болен или хотел в тайне идти в Холмовье. Я помогал собирать урожай. Для рыбаков я копал червей, таскал мешки с рыбой. Я ел и грелся не за даром.

– Да-да, последние лет десять ты возвращал часть данного тебе, а до этого? Хорошо, не самый удачный пример, вот тебе удачный, – Свобода постучал ногтем по оружию на моём поясе. – Этот топор, ты за него должен. Этот долг можно закрыть только отняв жизнь и я не о дикой собаке говорю, что залезла ночью в птичий двор.

– Чайка?

– Чайка. Это правило не оглашается. Каждый воин выкупает своё оружие убийством. Войн между владениями уже давно нет, но Чайки есть всегда. Хочешь предскажу будущее? Если до снегов ты не выплатишь этот долг, Маисей пошлёт тебя и... Ратибора отыскать поселение Чаек и убить одного или двух. Так что если встретятся на пути, не жалея их и выплати долг, иначе будешь жопу морозить выискивая их поселение по всем нашим землям. Они хорошо скрываются и всё время меняют место. Так что, сын моего сына, уйти со мной к Живой горе будет испытанием для тебя. У Маисея нет причин тебя отпускать.

– Бог на Светлом холме подарил мне это...

Я дал деду мешочек с таинственным песком. Он открыл его, понюхал, макнул палец, попробовал на вкус.

– Это пепел дракона, кажется... это можно выменять у шаманов на многое.

– Отдам шаману Мелло и куплю себе путь в тёмные земли.

– Нет. Ваш шаман жадный. Нужно идти в другую деревню, там обменять пепел на что-то нужное в Прибойя.

– У нас много рыбы, но мало мяса, к тому же все его запасы были съедены на праздники, а молодняк бить ещё рано.

– В Холмовье большая ферма. К тому же там перекрёсток дорог, и меняют там помногу и выгодно. Нам нужно туда. А ты не дурак, сообразил, что нужно.

– Ратибор собирается пойти в одно из соседних поселений, но не решил, в какое. Я подскажу...

– Он шальной, не сидит на месте, любит выпить и подраться, любит много женщин, эти три вещи есть вся его жизнь. Ему там понравится. Я отправлюсь завтра с рассветом, дойду дня за три. Увидимся там.

– Пусть пепел дракона будет с тобой.

Позже в тот же день я подошёл к Ратибору. Он с Когтем смолил лодку. Коготь – ещё один воин, имя его – Урумар, прозвище ему дали за клинок в форме когтя. Это высокий мужчина двадцати восьми лет с сильными ногами и жилистыми руками, всегда выбривал голову до кожи, оставляя на темени островок волос. Там вырос длинный и крепкий волос, блестящий и чёрный, который он завязывал в хвост.

– Ратибор, ты решил куда пойти? – спросил я

– Не думал сегодня об этом. У шамана заканчивается яд адского змия, думаю плыть на остров мёртвых и изловить гадюку. Яд – шаману, кожу – мне, сделаю обмотку на рукояти ножа.

– А я думал пойти в Холмовье, много людей, и не далеко.

– Женщины красивые, самогон! Хорошее место. Можно идти.

– Там есть то, что мне нужно... думаю, уже можно, – слова Урумара несли много значений, он поглаживал волосы, отросшие ниже лопаток.

– Пойдём сегодня, – предложил я

– А, чёрт с шаманом, ему не нужна. Пошли.

Он бросил кисть в чан с подогреваемой на костре смолой.

– Близится время обмена, – заговорил Урумар. Он всегда говорил так, как жуют костлявую рыбу, медленно и внимательно. – Не вся рыба, что в коптильне, напиталась дымом. Нам велят её отнесть. Велят ждать.

– Пусть Старый идёт с рыбой, – вспенился Ратибор. – Он уже много дней ведёт себя, как рыбак, копает червей и ловит рыбу у острова мёртвых. Любит рыбу, пусть он её и тащит! Старый воин уже совсем не как воин, он как старуха, сидит у костра и жуёт слова. Делает рыбацкие дела и плетёт сети. Пусть займётся делом, пусть несёт рыбу менять.

– Он уважаем, его слово много весит. Всё равно свалит это дело на нас, – сказал я.

– Баба, – буркнул Ратибор и, нервно схватив кисть, продолжил покрывать дно лодки жидкой и дымящейся смолой.

На следующее утро мы отправились в путь. За спиной рюкзак-мешок с плащом, едой и обувью для хождения по острым камням, циновка, свёрнутая и привязанная поверх мешка. Справа на штанах – оружие в петле, слева – бурдюк с водой. В маленькой сумке сзади на штанах – предметы для перевязки да немного измельчённых сушёных грибов для обезболивания и бодрости. Это минимум для походов.

Вождь Маисей велел нам отнести в Холмовье товар на обмен, два короба копчёной рыбы. Привязав короба к палке, мы с Ратибором взяли её на плечо. Коготь шёл впереди. Его оружием было копье, он нёс только свои вещи и маленький подарок в рюкзаке от нашего вождя вождю Холмовья, Перею. Путь выдался без приключений, через два дня вечером мы пришли.

Окружённое зелёными холмами, в низине стояло большое поселение, в которое, будто ручьи, стекались четыре дороги, сливаясь в перекрёсток – главное место для торговли в наших землях. Тут было много домов, красивых, с окнами, совсем не то, что наши лачуги. Немного поодаль от центра возвышался великий дом вождей, весь из железа, некоторые окна были защищены некогда прозрачным барьером. Этот дом был настолько велик, что в нём могли бы жить все жители нашей деревни. Урумар сказал, что личный воин старейшины поведал ему о том что внутри, одна комната находится над другой, и так несколько раз, что под домом – огромные подземелья, в которых хранится всё добро, что есть в Холмовье, что всё внутри сделано из железа и других невиданных материалов.

В поселении было несколько мест, где из земли росли железные деревья (во время великой битвы сюда выбросило военный корабль, теперь видна лишь малая его часть).

Отдав рыбу на склад, мы шли к большому гостевому дому, в котором живут и отдыхают все путники, что проходят мимо.

– В гостевом доме появилось новое правило, – говорил Ратибор, бывавший в этом месте очень часто, – каждому путнику наливают одну кружку браги просто так, ничего взамен. Только наливают нечастым гостям. Так Перей решил показать как богато его поселение и как хорошо он ведёт дела.

Я смотрел по сторонам, как много людей, как много огня повсюду. Дома с углами и ровными крышами, а не кучей соломы.

Мы вошли в гостевой дом – большое деревянное строение, сложенное из брёвен. Внутри горел большой очаг, вокруг которого стояли столы. Стояло ещё несколько больших столов. Свечи и чаши с огнём освещали тёмный зал. В углу возле бочек сидели трое крепких мужей, они наливали гостям, кормили. Не успели мы расположиться, как двое из них встали, взяв дубины, и направились к кричавшему и размахивающему топором воину. Обезоружив перебравшего, его, словно испорченную тушу, выбросили на улицу.

Ратибор пошёл к бочкам. Было видно, что он хорошо знаком с этими троими. Пошутив о чём-то, он отдал им меч и вернулся за стол, неся еду и питьё – бочонок крепкого и разящего напитка, от которого даже мухи, опьянев, падают; на большом срезе дерева – овощи и вяленая свинина. Тут же нам принесли по кружке браги.

Осушив кружку, я оставил рюкзак и вышел. Нужно было узнать, не пришёл ли дед. Я шёл, внимательно смотря по сторонам. Пришёл в центр. Судя по сильно вытопанной земле, множеству испорченных овощей и фруктов, это был тот самый знаменитый базар. Сейчас тут никто ничего не менял. Я решил, что дед может быть или на базаре, или в гостевом доме, ведь почти стемнело, где ему быть? Он мог ещё не дойти – с этой мыслью я направился обратно.

Я проходил перекрёсток, как меня чуть не сшибли. Это была девчонка примерно моего возраста, в простой льняной одежде, перепачканной землёй. Милое лицо было загорелым, в тёмных волосах запутались несколько соломин. За спиной её был плетёный короб. От столкновения она упала. Испуганно она посмотрела на меня снизу вверх, но испуг её быстро сменился любопытством.

– Ты новый воин? Из Прибойя?

К ней быстро подошёл мужчина, воняющий скотом, схватил за руку и рывком поднял.

– Вот же шельма! Говорил же, не носись. Прости её, занозу.

Он быстро ушёл, подгоняя её. Я даже не успел ничего сказать.

В гостевом доме было шумно, ведь, кроме нас, в поселение пришли люди из дальних деревень, принесли товары на обмен или пришли с новостями. Среди них были воины, Ратибор и Урумар уже сидели в их компании. Я сел за стол воинов, товарищи сразу сказали слова обо мне. Мы пили и ели, я с большим интересом слушал рассказы о походах и охоте. Они говорили не только о боевых похождениях...

Захмелев, я решил поведать о Светлом холме. Свою вылазку я выставил как подвиг, а не дерзкий помысел и попытку усомниться в одном из богов. В доказательство я показал амулет. Моя история подняла шум, краткий её пересказ потёк из уст в уста и быстро облетел весь гостевой дом. Шаманы часто говорят с богами и духами, но простым смертным такая честь выпадает крайне редко. Никто не станет выдумывать подобное, боясь, что боги покарают за ложь или расскажут о ней шаманам. Я же не боялся, ведь в моих словах не было лжи. Я утаил лишь замысел, с которым отправился понаблюдать за идолом.

Вскоре я был в центре внимания, сидел у огня, а вокруг – люди, внимательно слушающие мой рассказ, заглядывавших в мой рот, просящих мельчайших подробностей, делящиеся со мной едой и выпивкой, чтобы сесть поближе. Сидеть рядом с рассказчиком в наших землях считалось хорошо, люди охотнее принимали пересказ из уст тех, кто сидели ближе к первому рассказчику. Я чувствовал себя хорошо как никогда, меня слушали, я являл собой интерес. Пусть всё это – лишь до тех пор, пока не произойдёт новое событие, но всё же я был счастлив. Вспомнились слова Тио: «Дерзкие помыслы и отвага есть путь к славе», – так он говорил в последнюю ночь. Я согласен с ним, наблюдать за ручьём крадущимся между камней не так интересно, как за рекущим потоком, что вороочает эти камни и уносит деревья, что десятки лет корнями держали берег.

Я проснулся на соломе в дальнем краю гостевого дома, это общее спальное место. Зачерпнув ладонями воды из бочки, я утолил жажду, умылся. Ратибор и Коготь сонно сидели за столом, доедая вчерашние яства. В полумрак зала сквозь щели меж досок проникал свет с улицы, доносились голоса. Внутри дома стоял храп спящих гостей да неторопливая болтовня тех, кто уже проснулся. Широкие двери открылись, вошли двое костровых, один нёс вязанку хвороста, другой – сосуд с жиром для чаш с огнём.

Следом вбежал человек, весь взъерошенный, мокрый от пота, с ужасом на лице.

– Птица вернулась! – Крикнул он, разбудив спящих. Его слова отразились болезненным звоном в моей голове. – Огромный ворон унёс моего осла!

Поднялся галдёж. Все из гостевого дома поспешили к дому великих вождей.

Шум толпы вмиг стих, когда вышел вождь Холмовья Перей, в броне из черепаших панцирей, окрашенных в белый цвет.. Этот вождь был моложе нашего, розовощёкий, толстый как боров, глаза на потной лысой голове пьяно блестят. Вид этого человека показывал его мирное существо, для вождя в меру ленивое. По вождю, да и по местным жителям можно было судить о большом достатке земель Холмовья. Ещё, за спиной Перея был длинный изогнутый лук, украшенный стрелами и всякими мелочами, но колчана со стрелами у него не было. Это говорило о любви вождя к сильному и красивому оружию, но нежелании воевать, ведь стрел при нём не было.

В наших землях луки были лишь у особо умелых и удачливых охотников, и то были простые короткие луки для охоты. Это оружие в наших землях редкое не только из-за сложности изготовления в сравнении с копьём. Лук убивает на расстоянии большем чем копьё, из него можно стрелять много раз, а копий много с собой не унесёшь. С помощью лука можно убивать цель на большом расстоянии, находясь в укрытии. За это луки во всех владениях наших земель были запрещены около сотни лет назад. Получить лук мог только охотник и только для охоты. Но не каждый охотник мог получить это право, только самый умелый и при этом сдержанный в эмоциях. При получении этого оружия, его владелец давал клятву перед богами никогда не использовать его против человека. Конечно, луки имели ещё несколько человек, таких как Перей или особо уважаемых, не относящихся к воинам.

– Этот монстр уже нападал на нас. Пришло время убить монстра. Пусть десять воинов отправятся в гнездо ворона и убьют его. Воины, что хотят сразиться, выйдите вперёд.

Из толпы вышли все воины. После вчерашних гуляний многие не то что сражаться не могли, они едва стояли на ногах, но старались это скрывать. Вождь окинул нас внимательным взглядом, затем стал указывать пальцем на тех, кто пойдёт. В отряд попали и я с товарищами. С Холмовья были выбраны шесть воинов, ещё один из далёкой деревушки на границе наших земель с пустошью (мёртвой зоной), это была воительница – крупная мощная баба, вооружённая копьём. По шрамам и кривой челюсти было ясно, что она много билась.

Наш отряд, геройски шагая, отправился к логову ворона, собирая восторженные взгляды. Я надеялся увидеть в толпе ту девушку, что столкнулась со мною вчера, но её не было.

Место, где живёт птица, было известно, оно находилось недалеко. Вскоре мы пришли. На возвышенности неподалёку от озера, среди камней и скал, лежало огромное гнездо. Старший воин из Холмовья, седеющий длиннорукий муж, жестом велел нам растянуться в цепь.

Мы тихо пробирались меж сочных трав, покрывавших склон. Наверху послышался шум. Над скалами поднялся в небо огромный чёрный ворон. Тело его размерами было похоже на тело коровы. Огромные крылья при каждом взмахе делали шум, и ветер от них волновал травы. Ворон устремился вдаль, затем развернулся и полетел прямо на нас. Урумар метнул копьё, но оно пролетело над головой птицы. Ворон схватил одного из воинов и унёс к облакам. Вскоре воин падал вниз, крича и размахивая руками. Глухой удар о землю прервал его крик.

Ворон вернулся, к тому моменту Коготь уже вернул своё копьё и был готов ко второму броску. Птица села на вершине холма, раскрыв клюв и растопырив крылья, пошла на нас. Лишь копыта были пущены, как одним взмахом крыльев ворон поднял себя над землёй. Снова промах.

Клюв щёлкнул у лица Ратибора, но его меч всё же оставил на нём трещину. Ворон стал бить крыльями, поднимая пыль и обрывки травы, раскидывая в стороны набегавших воинов. Удар крыла оказался крепок, меня отбросило на несколько шагов. Подобрал топор, я обошёл врага сзади. Выбрав момент, вскочил ему на спину. Удержаться было сложнее, чем я думал, и единственное, что я мог, – покрепче вцепиться в перья. В голову птицы ударил камень, брошенный воительницей. Карканье чуть было не оглушило меня. Ворон взмыл вверх. Испугавшись, я выронил топор. Выдрав перья, я свалился. В последний миг схватился за хвост, но и это мне не помогло. Хвостовое перо не выдержало мой вес, и я сорвался. Приземлился я на склон и покатился с него вниз, ударяясь о кустарники и стволы карликовых деревьев. Не успел я остановиться, как катящийся следом труп ворона с двумя торчащими копьями настиг меня и увлёк за собой.

Неожиданно удары о землю сменились свободным падением. Мы слетели с невысокого утёса. Ворон рухнул на каменистый берег озера, а я сверху упал на него. Преодолевая сильную ломоту во всём теле, я поднялся. Я с восторгом заметил, что стою между двух копий на груди поверженного ворона! Жаль, никто не видит.

Мы вернулись в поселение с трофеями – когтями и перьями. Я оставил себе только одно перо, то, что вырвал при падении. К счастью, скатившись со склона, я себе ничего не сломал, а ссадины и ушибы пройдут. В поселении нас ждали и с радостью приняли весть о победе. Шаман со своим учеником тут же поспешили разбирать павшего гиганта на ингредиенты для своих настоев.

Ратибор предложил праздновать, никто не отказался, и мы направились в гостевой дом. Поев немного, я пошёл на поиски деда. Долго искать не пришлось, я встретил его на базаре.

– Гор! – окликнул он меня и поспешил навстречу.

Я поведал о нашем с воинами подвиге.

– Очень хорошо, теперь у скотоводов можно выменять немного больше. Их спокойствие это частично и твоя заслуга и они за неё заплатят, верь.

Дед отлично разбирался в торговле, и в тот день я стал тому свидетелем. Он знал, к кому, когда и с каким предложением подойти.

– Шаман ушёл, ты обменял пепел дракона?

– Ещё нет. Хозяин скота может не знать, что это, и его цену, не обменяет. Идём к вождю, он сейчас должен быть в настроении.

– Но у самого вождя нет скота, на что мы выменяем пепел?

– Гор... многое предстоит тебе узнать о торговле...

Я ходил у Дома великих вождей, ожидая деда. Жизнь в этом поселении казалась мне интересной, стремительной, будто горный ручей. Это место часто посещали путешественники, торговцы, вожди собирались на совет, играли свадьбы уважаемые и великие люди, чествовали героев. Даже сам Кулак собирал совет в Доме великих вождей. Это место знает много историй, видело много достойных мужей и подлых шакалов. Мне не хотелось возвращаться в Прибойя, к тем лачугам, медленной и тягучей, словно смола, жизни рыбацкой деревушки. Я ходил и представлял, как построю тут себе дом, после долгих походов буду возвращаться в него, украшать трофеями, после рассказывать у очага в гостевом доме о путешествиях.

Дед вышел ко мне, держа что-то в кулаке, по его лицу я понял – обмен вышел удачным. Я спросил, на что он обменял пепел дракона. Он показал гальку, окрашенную в яркий зелёно-жёлтый цвет, с белым пятном.

– Это мэньи. На них в Холмовье можно менять всё. Вот бывает, что тебе нужно обменять овцу на барана, к примеру. Ты приходишь к человеку, который хочет выменять барана, но овца ему не нужна. У тебя, кроме овцы, нечего дать, что тогда?

– Нужно узнать, что он хочет взамен, найти человека, у которого это есть, поменяться с ним и...

– А тому человеку тоже овца не нужна. Всё это бывает очень сложно и долго. В Холмовье меняют много и часто, Местный вождь, что был до этого вождя, молился богам, просил помочь навсегда решить споры с обменом, и однажды ночью ему во сне явились мэньи. Их можно менять только в этом поселении, что-то похожее есть в поселении Туманья. За весь пепел и твою помощь в победе над вороном вождь дал нам два десятка мэньий. Пойдём и купим свиней, а по пути покажу тебе одно место.

Мы поднялись на один из холмов, я увидел то, о чём зимними вечерами в главном доме моего поселения рассказывали легенды рыбаки. Огромный кит – сын бога моря (выброшенная цунами на берег во время Великой битвы атомная подводная лодка). Кит, чей бок был виден из земли, спал, ожидая времени, когда настанет его черёд править морем. По легенде, морской бог вновь поднимет бескрайние воды и приведёт их сюда, воды накроют кита, он проснётся и вместе с ними уйдёт. Вокруг кита на холмах расстелились поля и пастбища с конюшней, птичьими дворами и загонами для животных, а немного выше – стройные ряды садов.

Мы пришли к загонам для скота.

– Вольный! – С радостью на лице к нам вышел седой человек в соломенной накидке. – Рад видеть тебя! Что это ты пришёл ко мне днём? Есть что на обмен?

– Ах ты, старый скотник... неужели я не могу к своему другу просто так зайти, а не ждать его в гостевом доме? Но да, я к тебе по делу. Нам нужны свиньи.

Сказав это, дед показал мэньи. Человек разочаровано посмотрел на предлагаемое за его животных и сказал, что бывалый путешественник мог бы предложить что-то поинтереснее. Разговор деда и скотовода вошёл в русло воспоминаний, каких-то шуток, понятных только им двоим, суждений о делах, казалось, не имеющих отношения к этому обмену.

Мне по голове попал мелкий камень, я в злости обернулся. Там стояла та девушка, что столкнулась со мной вчера, такая же грязная и с соломой в волосах.

– Только день прошёл, а ты уже заявил о себе. Как тебя зовут? – Речь людей Холмовья отличалась от речи людей Прибойя, в ней было больше слов и говорили они сложнее нас, отцу было бы сложно с ними общаться. Оно и понятно, Холмовье есть центр торговли всех наших земель, тут живёт много людей и много людей ходит сюда.

– Гор, сын Солнцемира.

– Хорошее имя для воина. Моё имя Эйа. Я земледелец, так определено.

– А кем ты хотела бы стать?

– Не знаю. Я хотела бы посмотреть другие земли, не только Холмовье. Хочу мужа из другой деревни, чтобы уехать.

– Была бы ты воином...

– Была бы, как та воительница из пустоши. Отец собирается выдать меня за ученика шамана, потому что он через несколько лет сменит его. А я не хочу, он худой и бледный, как мертвец, да и смердит от него смертью. Он всё время проводит с наставником или в подземельях Дома вождей или в Пещере мёртвых.

– Пещере мёртвых?

– Там мы оставляем тела усопших, вот дедушку моего полгода назад отнесли.

– А, у нас, в Прибойя, для этого остров есть.

– Хотела бы я побывать в Прибойя. А эта история про тебя и идола Светлого холма правда?

– Конечно. Я собираюсь в большой путь, открывать новые земли.

– Ты эти открой, – засмеялась она, – дальше, чем на три дня пути от своей деревни, и не уходил?

– Не смейся, я иду с дедом, он много знает.

– Так Свобода – твой дед?!

– Свобода? Ты знаешь его имя?

– Так его зовут, Свобода, или Вольный, он сам так назвался много лет назад. О Солнце-мире я не слышала, а вот его знают все. Хотела бы и я с вами...

– Эй! – окликнул меня дед. – Ты бы хоть поучился, как торговать надо, а не болтал. Я выменял целую порослячую семью – свинью, кабана и двух поросят.

Мы шли обратно, солнце опускалось за холмы, вершины гор окутывали тучи, сползая по зелёным склонам. Будет гроза.

– Дед, а разве мы сами не можем сделать мэньи?

– Ты хочешь обмануть этих людей? Хороший опыт торговли даст тебе больше того, чего ты хочешь, и не отнимет жизнь.

– А вдруг кто-то захочет обмануть.

– Мэньи не покидают Холмовье, они переходят из рук в руки, возвращаются к вождю. Вождь знает, сколько всего есть мэньий, и если их станет больше... обманщика быстро найдут даже в других деревнях. Если обманом он получил слишком много, его убьют. Не обманывай никого, нам ещё в большую дорогу. Завтра с рассветом пойдёшь обратно, животных повезут в телеге.

– А ты?

– Я буду ждать тебя в Холмовье 12 дней, потом уйду, так что поторопись. Пока не пришла зима, нам в Тёмных землях нужно найти поселение и договориться о зимовке.

– Тебя зовут Свобода? Ты не говорил.

– Ты и не спрашивал. Когда меня изгнали, я стал скитаться по лесам. Позже я понял, что это не наказание для меня, я понял, что свободен. Я сумел выжить и решил не быть отшельником. Выбрал себе имя Вольный, но для многих людей из других деревень это слово было непонятным, сложным, и они просто звали меня, как понимали – Свобода. А слово Вольный я услышал от воина из Тёмных земель. Это было тридцать лет назад.

– Тёмные земли на севере, путники не находили там поселений и следов людей, но много раз от туда приходили люди... не понятно.

– Нечего тут понимать, там живут люди, просто мы не знаем пути к их поселениям. Ты же не думаешь, что эти земли одни, где есть люди, а все остальные пусты от людей. Интересно, сколько всего есть земель?..

– Интересно, чем заканчивается море?..

### ГЛАВА 3. Ночь совета

За стенами гостевого дома бушевала гроза, ветер бил о стены тяжёлыми каплями дождя, вспышки молний просачивались сквозь щели, раскаты грома прерывали разговоры. У очага ютились люди. Гостевой дом был полон, в непогоду люди старались держаться вместе, среди них я нашёл Эйа, мы долго говорили, делились историями. Она рассказала, что в Холмовье почти год назад приходил человек с веслом, он пробыл тут недолго и ушёл к северной границе. Я понял, что это был Тио. В голове поселилась тревожная мысль – Тио пошёл в тёмные земли. Не знаю что больше тревожило меня, что Тио может там погибнуть, или первым найти поселение, тыкать в меня пальцем и говорить что он путешественник лучше меня.

– Давай выйдем на улицу, дождь почти закончился. Я хочу поближе подойти к большому киту, – предложил я.

– Ты что, нельзя сейчас выходить. Многие духи пользуются дождём, чтобы творить свои дела. Если выйти в такой дождь ещё и вечером, можно случайно попасть в мир духов и не вернуться.

– Вот мне и интересно на них посмотреть, мы осторожно.

– Ладно, но далеко не пойдём.

Мы вышли на улицу, кругом никого, только дождь стучит по земле и шелестит в соломенных крышах. Небо над головою тёмное, зловещее, вершины гор скрылись в тучах. Сейчас никакому человеку там лучше не появляться, – думал я тогда. На западе тучи были слабее, и садящееся солнце просвечивало их, покрывая верхушки вековых деревьев тусклым жёлтым светом. Мы же внизу были покрыты таинственной тенью. Слабый туман поднимался от земли. Из гостевого дома следом за нами вышел человек, гость из очень маленькой деревни, спрятанной в горах. Он всё время носил на плече корзину с маленьким круглым отверстием, а на шее его висел большой амулет в виде глаза. Этот человек постоянно попадался мне на пути. Вчера вечером я много говорил с ним в гостевом доме, он много спрашивал обо мне и Прибойя. Запомнились его ровные белые зубы, ни у кого таких не видел.

Человек с корзиной не пошёл за нами, он направился прочь из деревни в сторону Прибойя. Мы быстро шли к выходу из поселения в сторону полей. Покинутые улицы наполнял лишь ветер.

Вдруг я услышал шаги, шлёпанье ног по лужам, обернулся. По улице медленно двигалось нечто. Оно было похоже на человека, только чёрного. За спиной его были два чёрных крыла. Мы спрятались за углом дома, стали наблюдать.

– Я говорила, – испуганно шептала Эйа, вцепившись мне в руку. – Это, наверное, сам бог смерти. Не надо было нам выходить.

Оно медленно шло к дому вождей.

– Оно хочет войти в железный дом вождей, – я вынул топор из петли.

Не знаю, смог бы я тогда напасть на него, руки мои дрожали, хотелось бежать. Не было бы рядом её, я бы так и сделал. К счастью, всё стало понятно до того, как я принял решение. Дверь железного дома открылась, из неё выбежал помощник шамана – бледный, как мертвец, в чёрных одеждах. Он взял крылья и занёс их внутрь. Шаман нёс крылья поверженного нами ворона, вот и казался человеком с крыльями.

– А я догадывался, что это просто человек, – слукавил я тогда, но Эйа поверила.

Мы вышли за пределы поселения, поднялись на холм. Над лугами и холмами, залитыми лучами садящегося солнца, растянулась радуга, на фоне почти чёрных туч она казалась очень яркой. Ветер доносил запах сырой земли и сена, мелкие, но частые капли дождя едва слышно

стучали по листве кустарников. Пораженные красотой, мы замерли, свет солнца был не таким, как всегда, и он предавал всему вокруг другие цвета.

Наконец я взглянул в сторону большого кита и тут же пригнулся, дёрнув девушку за руку. Мы легли в траву, стали наблюдать.

Невиданные существа были похожи на людей, но с белой, как снег, толстой морщинистой кожей. У них были страшные морды без ртов (люди в защитных костюмах и респираторах). Они ходили по лугам, между загонов для скота, огородов и складов. У каждого в руках были разные предметы, некоторые втыкали в землю. Они делали нечто странное, я тогда даже не мог предполагать, что они делают, тогда я не мог представить таких технологий и инструментов, да и в то, что это – люди, я тогда не верил. Для нас с Эйа это были духи, неведомые божества, и вопрос у нас был один – злые они или добрые?

Мы наблюдали за ними, лёжа в мокрой траве. Дождь стал усиливаться, солнце село за лес, цвета вокруг изменились. Страх стал окутывать нас. В сумерках эти существа стали казаться зловещими.

– Надо уходить, – прошептала Эйа.

Было нужно, но эти существа были достаточно близко, чтобы заметить нас. Мы стали медленно отползать назад...

Позади раздалась речь, невнятная, но громкая. Мы обернулись и с криком вскочили. Хоть и воин, но я тоже вскрикнул от страха, за что тут же стало стыдно. Прямо позади нас оказался один из духов, мы не заметили его, наблюдая за остальными, а он, похоже, не замечал нас, пока мы не стали отступать.

Странное существо примирительно подняло руки, что-то говорило невнятно. Я понял тогда – это не рожа такая, оно в маске. Человеческие глаза смотрели на меня, в них не было злобы, лишь лёгкая растерянность. Остальные подбежали к нам. Я выхватил топор, Эйа схватила камень с земли и с силой бросила его в одно из существ, затем подняла палку. Мы стояли спина к спине, оскалившись, сжимая оружие мокрыми от дождя и пота руками.

Существа нас не окружали, они стояли полукругом в нескольких шагах от нас, всего их было больше десятка. Они говорили меж собой, но из-за масок я не мог понять их речь, иногда я всё же улавливал отдельные слова, но этого языка я не знал. Наконец один из них указал рукой на поселение, видимое с холма и произнёс: «Го». Мы не поняли, что он хочет. Он указал на нас, затем на поселение и повторил: «Го».

– Что такое «го»? – тихо спросила Эйа, прижавшись ко мне спиной ещё сильнее.

– Я не знаю.

– Гоу! – Он показал пальцами идущего человечка, на нас, затем на поселение.

– Я понял, они просят нас уйти обратно, похоже, они не хотят нападать.

– Пошли...

Мы пятились назад, не выпуская их из виду, держа оружие наготове. Они смотрели на нас с вершины холма. В сумерках их белые фигуры выглядели жутко. Наконец они развернулись и скрылись за той стороной холма.

До самого поселения мы так и дошли спиной, не отрывая взгляд от вершины холма, спотыкались, наступали босыми ногами на острые камни, но всё смотрели на место, где были они. Наконец, очутившись среди жилищ, мы почувствовали себя в безопасности, я убрал топор, она бросила палку. Мы поспешили к гостевому дому. Дождь усиливался, стало почти совсем темно.

– Пошли быстрее, кто знает, какие ещё ужасы бродят в темноте в такую погоду,

Мы с Эйа сидели на соломе в темноте дальнего угла гостевого дома. В помещении единственным источником света и тепла был очаг в центре. Дрова горели плохо, дым не хотел выходить в отверстия потолка и окутывал людей. За окном шумел дождь. По домам никто

расходиться не стал, все остались. Старухи рассказывали истории о духах да старые легенды. Воины меж собой говорили о том, кто кому когда морду бил, и кто с какими женщинами бывал. В гостевом доме был и вождь Холмовья со старейшинами, в их компании сидел и мой дед, что-то говорил. Видя своего деда в компании высоких людей, я ловил в своей голове мысль, что и я достойный человек, ведь отец моего отца такой. Эту мысль я выкидывал, ведь она лгала мне, но мысль стучалась и требовала впустить её.

Мы с Эйа тихо говорили об увиденном, следя за тем, чтобы никто не подслушивал.

– На них была одежда, – говорил я. – Ещё маски.

– Мне тоже показалось, что это не их лица, но одежда... непонятная она. Из чего? Хлопок? Лён? Материал даже на кожу не похож.

– Я видел их глаза, они очень похожи на людей.

– Думаешь, это люди? – Усмехнулась она.

– Нет. Многие духи и божества ведь очень похожи на людей, вот и они.

– Хорошо, что они не напали и не забрали в свой мир.

– Скажу честно, мне интересен мир духов, я хотел бы его увидеть.

– Ты что?! Людям, мир людей, духам, мир духов. Ты ещё многого не сделал, не иди в мир духов.

– Я не иду в него, я сказал, что интересно было бы на него посмотреть.

Вскоре от человека к человеку поползли слова: «Свобода идёт в Тёмные земли». Воинов эта новость оживила, они стали гадать, какое оружие у тамошних воителей, какие там водятся звери, и вскоре снова вернулись к женщинам, представляя, какие они в тех землях. Народ же говорил о всякой мистике или плодах и ценностях неизведанных земель. Появились даже те, кто точно знал о великих богатствах тёмных земель, хотя всю свою жизнь провёл среди свиней.

Спали все в куче. С рассветом люди стали уходить, в первую очередь скотоводы шли проверить свои загоны. Эйа тоже ушла, не став будить меня. Нас с Ратибором и Когтем ждала обратная дорога, нужно было привезти купленных свиней в Прибойя. Дед решил остаться и ждать меня в Холмовье, Ратибора и Урумара он тоже был согласен взять, точнее, он не был против.

Старая кляча, облепленная мухами, шлёпала копытами по лужам и тащила клетку. Колёса у клетки были просты – примерно одинаковые срезы ствола большого дерева. Две чёрные некрупные свиньи и двое подрощенных поросят, сытые, дремали в клетке. Наши рюкзаки были привязаны к прутьям клетки, и мы шли налегке.

Урумар на ходу отработывал умение пользоваться своей необычной обновкой. Теперь его волосы были заплетены в косу, а на конце её был вплетён специальный маленький клинок, способный не убить, но нанести серьёзные порезы при умелом использовании. По пути он шёл, пытаясь своей косой срезать ближайšie ветви.

– Большой поход это хорошо, – говорил Ратибор, – это интересно. Как к этому вождь подойдёт? Он не захочет отпустить молодого воина.

– Я для этого свиней и купил. Теперь их смогут разводить быстрее, у нас же их осталось всего пять.

– Я не знаю цифр, – отмахнулся Ратибор.

– Выучил бы хоть до десяти, – строго посоветовал Коготь. – А то даже описать, скольких врагов убил, не сможешь.

– На пальцах покажу. Я тоже хочу в поход, скучно мне, хочу новые земли посмотреть, новые красоты познать...

Коготь согласно кивнул.

– А нас троих-то вождь отпустит? – сомневался я.

– Будем на совете просить, я уже обдумал, что буду говорить, – начал Коготь, было видно, дух его поднят. – Давно не делались подвигов, давно не было великих событий, и Кулак на небесах ругает нас за нашу лень. Мы пойдём завоёвывать новые земли, принесём в Прибойя новые знания, инструменты, может быть, материалы и славу. В своих землях в нас нет смысла, последняя война между племенами закончилась ещё до моего рождения. Воины только иногда бьются с Чайками. Нужно убедить вождя. Поход может занять целый год, но говорить о нем будут ещё много лет.

На следующий день мы шли по большой зелёной равнине, солнце сильно пекло, а тёплый ветер подгонял в спину, так, что, казалось, собьёт с ног.

– Смотрите, – указал я на группу людей, быстро идущих по пояс в траве. Они шли к нам.

– Это Чайки! – Заметил Ратибор, остановив лошадь. – Гор, готовься биться, руби их, не жалея!

Я выхватил топор, встал в боевую стойку, смотря на бегущих на нас и кричащих во всё горло людей. Худые, как скелет, чёрные от загара, в набедренных повязках и обрывках одежды, вооружённые палками и деревянными штыками, – Чайки. Их так называли за шум, за то, что они держались кучей и постоянно дрались за добычу. Это небольшое племя изгоев, молодые парни, не прошедшие испытание или просто сбежавшие из своих деревень, изгнанные. Они жили воровством и грабежами путников на дороге от деревни к деревне, иногда угоняли скот и даже воровали из поселений девушек. У них нет конкретного места для стоянки, они всегда перемещались.

«Вот он, мой первый смертельный бой с человеком». Так я думал, но бросаться в драку я не спешил. Должен признать, страх был. Я не знал, как дерётся человек в смертном бою. Их было восемь, и я не был уверен – справлюсь ли?

Они бежали на нас, воинственно поднимая вверх палки, в их криках можно было разобрать требования оставить телегу и бежать. Я взглянул на товарищей, в их руках не было оружия, они его не собирались вынимать.

Когда плотная толпа врагов достаточно приблизилась, Ратибор и Урумар неожиданно похватили камни из-под ног и метнули их во врагов, ошеломив их на мгновение. Этого хватило воинам, чтобы выхватить оружие и броситься в бой. Я замялся, и опомнился, когда клетка тронулась с места. Мелкий худой парнишка, явно младше меня, уводил лошадь, его не было с нападавшими, он прятался в траве с другой стороны дороги.

Я занёс топор и бросился на него, тот ловко увернулся и с криком стал бегать вокруг телеги, я за ним. Он резко остановился и метнул камень. Я присел, и камень пролетел над головой, но мальчишка тут же ударил меня в грудь, свалив на спину, и помчался к лошади. Из груди моей торчала острая рыба кость, она застряла в броне и не нанесла мне вреда. Я вскочил и, догнав мальчишку, ударил обухом топора в плечо, тот в испуге убежал, лишь макушка торчала из травы. Точно не знаю, что заставило меня поступить так, руки сами не хотели бить. Не стану врать, не убил я его не потому, что он ещё ребёнок, он Чайка, а потому, что боялся убить человека, что-то помешало расколоть его череп.

Я бросился помогать товарищам. На пыльной дороге уже лежал внутренностями наружу один из врагов, сразу стало ясно – пал от клинка Урумара.

Бой продлился совсем недолго; получив увечья и поняв, что не победить, противник бросился враспынную, двое не бежали, а ковыляли, с большим усилием держась на ногах, им никто не помогал. Коготь потянулся за копьём за спину, но передумал, не стал убивать бежавших. Я же в бою успел получить несколько крепких ударов, до следующего полудня ходил с опухшим лицом, но мой топор теперь был окроплён кровью и мог называться боевым. Хоть

ярость боя мне была знакома, но бой с человеком – это другое. Те же жар и лёгкое дрожание во всём теле, но чувство другое.

– Одного? – спросил я, пытаясь восстановить дыхание.

– Да, – ответил Урумар. – Это я его.

– А вон тех двоих, я. До вечера не дотянут, скорее всего. Надо вождю сказать, что Чайки вернулись. Ты, Гор, никого не убил, плохо, но твой топор всё же испил крови, хорошо.

– Остался бы раненый, дали бы тебе убить его, не нужно заставлять человека мучиться. Но они уходят. Убьёшь в следующий раз.

Мы стояли и смотрели на отступавших. Тем двоим всё же помогли, взяв их под руки. Неожиданно один из тех, кто шли нормально, упал в траву, товарищи остановились, постояли недолго и продолжили путь. Упавший так и не встал.

Дальнейший путь наш был спокоен. После полудня третьего дня мы пришли в Прибойя. Первым делом мы остановились на скотном дворе. Уставшую клячу оставили у корыта жадно пить мутную воду. Свиной выпустили в загон. Скотовод был рад пополнению и послал младшего сынишку лет четырёх-пяти в деревню сообщить эту новость вождю. Я с воинами, взяв свои рюкзаки, тоже отправился в поселение. Медлить я не стал и первым делом зашёл к вождю и сообщил о желании исследовать Тёмные земли, вождь рассмеялся. Ратибор и Урумар поддержали меня. Услышав слова поддержки, Маисей нахмурился.

– Считаешь себя смелым, считаешь себя храбрым? – Он шёл ко мне, с каждым шагом ударяя посохом о землю. – Не прошёл месяц, как ты стал воином, и ты хочешь идти в тёмные земли? Таракан!

Он наклонился к моему лицу, громко дыша. Вокруг стали собираться люди, в основном это дети и женщины, те, кто были в деревне в тот момент.

– Я хочу открывать, хочу поставить на доске новые места.

Доска – глиняная плита, что-то вроде карты наших земель. Конечно, картографией как таковой никто в диких землях не владел, на доске были отмечены деревни и знаковые места. По ней можно было узнать очень приблизительное расположение мест относительно друг друга, но расстояние и конкретных маршрутов на ней указано не было.

– Дерзкий ты, да? Посмотрим, что об этом скажут духи предков.

Он криком позвал шамана Мелло. Тот, шелестя своим одеянием, вышел из своей лачуги, шурясь от света.

– Зови «ворон», пусть отвезут дерзкого воина на Остров мёртвых и оставят его там до утра.

Шаман ворча заковылял вниз к берегу. Спустившись немного, он стал трубить в траурную раковину. Её гулкий звук обычно оповещал о чьей-то смерти или смертельном ранении. Так шаман призывал своих помощников.

– Я соберу совет, и мы обсудим поход, но без тебя. Ты плывёшь на остров. Проверим, так ли ты смел, или ты просто брешущий пёс.

Подобные выражения считались крайне оскорбительными. Мой читатель, ты наверняка задаёшься вопросом, почему вождь так серьёзно воспринял слова юнца? Ведь в этом возрасте подросток максималист. Я скажу почему. В наших краях слово было сильным инструментом и владение им требовало ответственности, проще говоря, в диких землях, а в Прибойя особенно, было принято отвечать за свои слова. К тому же у меня был дед, всем известный Свобода, меня поддержали воины, а ещё Маисей никогда не забудет тот случай с Тио.

Я стоял по пояс в воде, на лёгких волнах качались водоросли, принесённые недавним штормом. Навстречу мне плыла длинная лодка, шлёпанье вёсел по воде слышалось всё чётче. В лодке стояли двое гребцов с двух концов. Одеты они были в длинные чёрные одежды. Кисти

рук, ноги и лица – всё, что видно из под одежд, было вымазано голубой глиной. Это были «вороны».

Лодка остановилась рядом со мной. Шаман, стоявший на берегу, передал им указ вождя – отвезти меня на остров и бросить там. Те молча кивнули и протянули мне руки. Я взобрался в лодку, едва не перевернув её.

Маленький холмик на морском горизонте, что с берега не было видно при более сильных волнах, медленно превращался в покрытый лесом остров. Спокойная морская гладь, небо без облаков, ласковое не жгучее солнце, лёгкий солёный ветерок, – всё создавало какой-то загробный покой. Это меня тогда и пугало, мне казалось, что смерть заманивает меня в загробный мир. А остров всё приближался...

«Вороны» – помощники шамана. Они занимаются мёртвыми: приносят умерших или погибших в бою в лачугу шамана; помогают ему подготовить тело; отвозят тело на Остров мёртвых; на острове тела закапывают, сжигают, вешают высоко на деревьях, бальзамируют и устанавливают в святилище – в зависимости от статуса и пожеланий усопшего. В обязанности «ворон» входит всё, что связано с мёртвыми, в том числе и уход за Островом мёртвых. Лодка, в которой меня везли, называлась «морра» и предназначалась в основном для перевозки тел. Всего «ворон» было двое, и они были мужем и женой. Ребёнком я их боялся.

Они перестали грести, до берега оставалось совсем немного. Они попросили меня отдать им топор на время, на остров с оружием нельзя. Ещё мне велели закончить за них уборку острова до сумерек, собрать сухие палки и расчистить дорожку к святилищу, зажечь в нём свечу после заката. Ещё велели не справлять нужду на острове, нельзя.

Я доплыл до берега острова, ступил на тёплый чистый песок. Вороны даже песок на пляже чистили, сгребая листья и мусор, принесённый морем во время прилива. Мы верили, что после смерти душа ещё некоторое время находится рядом с телом и чувствует себя, как живой человек, поэтому мы хотели, чтобы души умерших гуляли по чистому райскому острову в ожидании суда богов.

Солнце уже клонилось к горизонту, я поспешил собрать сухие ветки, ведь это мои дрова на ночь. На этом острове я бывал пару раз во время погребальных церемоний, оба раза выпали на зиму. Тогда это место казалось мрачным – чёрные стволы деревьев без листьев, мокрый грубый снег, тёмные морские воды выбрасываются на мокрый серый песок, и небо затянуто тучами. Оба раза добраться до острова было не просто из-за больших волн, однажды на обратном пути одна из трёх лодок и вовсе перевернулась. Благодаря воле богов никто не утонул и не погиб от болезни тогда.

Теперь это чистый, светлый островок. Зелёные травы, ягодники, нижние ветви деревьев аккуратно обрезаны. Чисто и светло, вот только... мёртвые.

Как только я вошёл в рощу, я увидел висящий на ветке мешок, ткань была старой, через дыры в мешке были видны жёлтые кости. На соседнем дереве был сооружён домик, в нём тоже находились тела. Чуть дальше – пятно выжженной земли, останков и угля не было, но было ясно, что тут жгли погребальный костёр. Остров был совсем не большой, так что мёртвые были на каждом шагу. Старые кости грудками лежали то тут, то там, каждую грудку венчал покрытый тонким мхом череп. Так делали когда не хватало места для нового захоронения – старые кости выкапывали и на их место клали свежее тело.

Я закончил уборку, вынес все собранные ветки на пляж и принялся разводить костёр. На пляже из камней был сложен круг, в котором «вороны» разводили огонь в случае необходимости, рядом лежали куски кремния. Я принялся вызывать огонь. Сквозь стук кремния и шум

волн я услышал звуки вёсел. Это был отец, он плыл на рыбацкой лодке. Он сошёл на берег, оставив лодку на мели. За спиной его были сумка и свёрнутая циновка. Он сел рядом.

– Вся деревня уже говорит? – Я продолжил высекать искру на ворох сухой травы.

– Все люди собрались у Большого дома, спорят – отпускать вас или нет.

Очередная искра, упавшая между сухих стеблей травы и тонких полосок бересты, породила струйку дыма, ровно убегающую к небу, не тревожимую ветром, его не было. Я осторожно подложил тонких ломких веточек, тонкие пальцы едва родившегося огня жадно сжались в кулак, и вот огонь стал набирать силу.

– А ты почему не там? – спросил я, подкладывая в огонь хворост.

– А что мне там говорить, что нужно вас отпустить? Я не думаю так. Говорить речь за то, что я хочу, значит говорить против тебя, а говорить то, что я не хочу, не буду.

– Почему ты не хочешь, чтобы мы шли?

– Ты мой старший сын. Я хочу увидеть твоих детей, слышать о твоих делах. Я не говорил, но я горд за тебя, горд, что мой сын – воин. Но тёмные земли – это большая высота для молодого и неопытного воина, да и для любого другого. Вы не вернётесь. С Небесного ножа видно, что за ущельем на многие дни пути нет поселений, и что дальше – стена гор, на её переход уйдут многие, многие дни, может, месяцы.

(Небесный клинок – самая высокая вершина в наших землях, находится у северной границы. Взбиравшиеся на неё даже в самую прозрачную погоду ночью не видели ни одного огонька, как бы ни высматривали).

– Значит, там никто не живёт, и нам не придётся драться с людьми.

– Да, но кто знает что там за звери? Даже если вы не погибнете, то вернётесь обратно не раньше года. Свобода упёрт будто бык, он долго не пойдёт обратно, будет искать. Урумар и Ратибор сильные воины, они могут жить в лесах и горах, они тоже не пойдут назад, пока не найдут что-то... большое.

– Воины должны открывать новые земли, а чем мы заняты? Спим, едим, ходим от деревни к деревне.

– Да, так и есть. Это судьба воина, и я должен её уважать. Знай, всё больше людей говорят, что в каждом владении стало слишком много воинов, а им нечем заняться, они только пьют брагу, и ничего не делают. Я не буду отговаривать. Боги, они дают нам судьбу. Всё, что мы делаем, всё это судьба, так решено. Судьбу дают боги и если ты решил идти в этот путь, я не могу спорить с богами.

– Мне кажется, в этот раз боги правда подвели меня к этому решению. Железный жук на Светлом холме говорил о большом походе, он знал.

– А ты не верил? Боги, – он поднял глаза к небу, – великие боги... ты ещё узнаешь об их силе и всё поймёшь, у тебя будет вера, крепкая, как моя.

Поднялся лёгкий ветерок. Я подложил дров побольше, взглянул на закат. Солнце уже село.

– Солнце село, ты не плывёшь обратно?

– Я ждал, пока твой костёр хорошо разгорится, чтобы стало светло.

Он положил циновку рядом со мной, достал из сумки тряпичный мешочек.

– Поешь. Духи тебя не тронут, это же наши предки, – сказав это, он пошёл к лодке.

Люди боялись находиться в этом месте ночью. Кто бы как ни относился к мёртвым, но даже «вороны» не ночевали на этом острове.

Лодка отца отдалялась. Стало быстро холодать, и от тёплой морской воды стал подниматься туман. Я вспомнил, что должен зажечь свечу в святилище. Обернулся, тёмной стеной позади меня стоял лес. Идти туда совсем не хотелось, но тогда я верил, что, если свечу не зажечь, произойдёт нечто страшное, и эта вера заставляла меня выполнить поручение.

Я выбрал палку посуше, зажёл. Вне костра она горела очень слабо и гасла. Я взял вторую, зажёл обе. Если держать их вплотную друг с другом, то обе они хоть немного горели, по отдельности гасли сразу.

Нерешительно я ступил в темноту леса. Дорожку из плоских камней было видно, остальное же разглядеть стало сложно. Остров маленький, и путь к святилищу был близок. Торопливым шагом я быстро дошёл. Святилищем было место под большим скальным навесом. В центре стоял камень, на нём – свеча из жира в деревянной миске. Мой импровизированный факел горел совсем слабо. Я зажёл свечу, света она почти не давала. Накрыв её деревянным колпачком с дыркой сверху, чтобы свеча горела и ветер её не гасил, я почти лишил себя и без того слабого света.

Несколько резких взмахов палками выдавили из тлеющего угля слабый огонёк. В неровном свете огня стало немного видно вокруг. Впереди в ряд были усажены на большие камни двенадцать мумий – вожди. Сейчас были видны их тощие силуэты, но я бывал тут днём и видел, как тут всё выглядит. За мумиями у стены были кучей сложены человеческие кости – туда раньше складывали кости, чтобы освободить места на деревьях или для погребения свежих тел. Их стало много и теперь кости не приносят сюда, их складывают рядом с тем местом где выкопали.

Ветер колыхнул огонь, и его мерцание на мгновение погружало всё во тьму. Воображение и дёргающиеся тени меня тогда сильно напугали, мне показалось, будто мумии разом встали и направились ко мне. Я попятился назад, поспешил обратно. Палки только дымили, но не горели, да мне это было неважно. Впереди, расплывшийся в густом тумане, виднелся свет костра.

Я почти вышел из леса, как вдруг мой взгляд коснулся чего-то в стороне. Я остановился, пригляделся. Слабое зелёное свечение зависло в тумане над землёй. Мой костёр был близко, и это давало мне немного смелости. Я осторожно сделал пару шагов к свечению и разглядел его источник. Земля обнажила тело, часть черепа и рёбра виднелись из земли, и они светились зелёным светом. Я бросился к костру.

– Духи предков, – говорил я вслух, сев у костра и подкладывая хворост, – я не потревожу ваш покой. Я на вашем острове по велению вождя и утром уйду. Я проведу ночь у огня и не побеспокою вас.

Туман вокруг стоял густой. Стон старых деревьев, раскачиваемых ветром, казался мне стоном мёртвых. В шелесте воды мне слышались чьи-то шаги.

Казалось, что прошло много времени до того, как туман рассеялся, но когда он исчез, по взошедшему месяцу я понял – времени прошло немного. Старый месяц, бывший недавно полной луной, поднялся над горой, покрыв море и землю тонким холодным светом.

Мой костёр бодро горел, дарил тепло и свет, а я взамен кормил его хворостом. Тепло от огня и тихая ночь дали мне покой, я не чувствовал страх. Зелёному свечению над останками, что напугало меня, я уже нашёл объяснение: трухлявые гнилые пни тоже иногда светятся по ночам зелёным светом, наверное, гниющая плоть, как и гниющее дерево, даёт такой свет.

Расстелил циновку на песке, я удобно сел, принялся за еду, принесённую отцом. Это были жареная рыба и свежие овощи. Я ел и смотрел на противоположный берег, на мерцающий, будто звезда, огонёк.

«Там решается моя судьба. Что я стану делать, если вождь не отпустит? Дед уйдёт без меня, я его, наверное, больше не увижу. С самого детства я хотел отправиться с ним в путь. Но если вождь не пустит? Сбегу? Что скажет отец? Сбегу и вернуться не смогу, стану изгоем. Если сбегу, но путешествия не выйдет, нужно будет вернуться, но нельзя». Я уже не помню, как именно размышлял тогда, только в общих чертах, но думал я долго, даже огонёк на противоположном берегу погас.

Спать в ту ночь я не решался, хоть я и был спокоен, и мертвецы не плясали вокруг, ничего необычного не творилось, всё же я предпочёл держать глаза открытыми. Это позже я стал относиться к мертвецам безо всякого страха и без колебаний мог лечь спать прямо на поле боя, конечно, после самого боя и если в том была необходимость. В ту ночь я отдался мыслям, разговорам с собой, да иногда оглядывался. Ночь казалась длинной, много тем я затронул в голове: думал о богах, могу ли я сбежать из деревни, что будет в новых землях. Думал я и об Эйа, думал взять её своей женщиной, если останусь. В тех краях и при той жизни мои помыслы не были поспешны. По обычаям моих родных земель, мужчина должен взять себе женщину не позже года после дня его испытания. Если этого не произойдёт, ему найдут женщину, обычно это некрасивые, которых никто не взял в жёны, или старые вдовы.

Утром, когда солнце только поднималось над горизонтом, я стоял по пояс в прохладной воде, сонными глазами смотря на приближающуюся морра. «Вороны» гребли неспеша. Я уже принял решение и держал его в голове: не отпустят – я сам уйду, как Тио, это есть моя судьба.

За спиной моей дымились угли, все собранные ветки я сжёг. Обьедки я забрал с собой. Забравшись в лодку, я спросил: «Что решил вождь?»

– Вождь принял решение и не изменит его, – было отвечено мне.

«Ясно, как это утро, значит, уйду сам со следующим рассветом», – подумал я и выбросил обьедки в море.

Морра задела песчаное дно, мы сошли в воду. Я помог вытянуть лодку на берег и направился прочь, но «вороны» окликнули меня и жестом приказали идти с ними. Я занервничал – вождь решил меня посадить в яму, чтобы наказать? За что?!

С этими тревожными мыслями я пошёл следом. В деревне меня ждал отец.

– Не оставайтесь долго здесь, вождь и старейшины не хотят ждать, – сказав это, вороны покинули пустое поселение.

– Мы вас догоним, – сказал отец.

У его ног лежали вещи для походов и мой топор. В деревне не было никого, только мы. Мысли толкались в моей голове, пытались перекричать друг друга.

– Где все?

– Вождь дал вам дорогу, вы уходите сейчас.

– Так быстро?

– Да. Все ждут у указателя. Собирайся, – лицо отца было смиренным, как и всегда. Читалась тоска по ещё не ушедшему мне. Наверное, не так он представлял дальнейшую мою жизнь, думал, я, как и остальные воины, буду ходить от деревни к деревне, пить и веселиться, время от времени убивать Чаек да расплодившихся хищников. Но зла, обиды и разочарования в его лице не было, ведь я иду с одним из самых опытным путешественником наших земель и с двумя настоящими воинами, что не боятся биться, но и не ищут драки. В конце концов, как верил мой отец, что бы не происходило – на всё воля божья. Так что даже если я стану бандитом и меня за то казнят – так решили боги, Гор не виноват сам по себе, судьба.

Я собрался быстро. Большой меховой рюкзак был полон, в нём были: сушёные мясо и фрукты; обувь для хождения по острым скалам; обмотка на стопы для долгого пути; лёгкий спальный мешок из плотной ткани; лоскуты ткани, немного нитей и некоторые инструменты для починки одежды; сосуд с жиром для факела. Снаружи к рюкзаку крепилась сумка с целебными кореньями, измельчёнными травами и грибами, жгутом; крепился большой бурдюк с водой; большой кожаный плащ, из которого можно было строить палатку на одного; один готовый факел; моток кожаного шнура и моток конопляной верёвки. К ремню на поясе крепились боевой топор, маленький бурдюк, каменный нож для заготовки кольев, мешочек с каменными наконечниками для стрел.

Мы с отцом поспешили к указателю. Всё моё снаряжение оказалось тяжёлым, и я начал беспокоиться о внезапном нападении в пути, с таким грузом я не смогу отбиться.

– Если боги того пожелали, я не могу тебя отговаривать, – говорил отец, – на всё воля богов. Хорошо, что ты идёшь с воинами, вместе вы сможете выжить.

– С нами ещё дед, он всю жизнь путешествует.

– Да-да, дед... я верю, что вы вернётесь со славой, буду просить богов помогать тебе в пути. Чуть не забыл.

Он дал мне оберег из волчьих клыков. Я надел его на шею.

– Он поможет тебе, если останешься один. Надеюсь, твой брат не станет воином.

– Почему?

– Ты не нашёл женщину и уходишь в опасный путь, род может прекратиться, понимаешь?

– Судьба не сделает Рота воином, сжалится.

– Не говори так о брате, он не толстый, а крепкий. Вон Ратибор, и ничего, воин же.

– Я не о том. Он мирный очень, всё время где-то прячется, почти не говорит.

– Значит охотник.

Мы пришли к указателю. Тут собралась вся деревня и некоторые люди из других поселений, что есть во владении Прибойя. Люди толпились на земле, дети сидели на деревьях.

– Гор, ты долго, – строго произнёс вождь.

Я, Ратибор и Урумар стояли вместе, слушали речь вождя. Рюкзаки у моих товарищей были, как и у меня, но броня другая. Это и бронёй назвать нельзя – что-то вроде юбки из шкур до колен, да перекрестье из двух ремней на груди, у Когтя ещё наплечники из одного слоя толстой кожи, вот и вся защита. В таком облачении воин хоть и не был защищён, но он мог свободно двигаться, а это тоже очень важно.

Когда вождь закончил речь, мы стали прощаться. Это был просто лёгкий хлопок по плечу, у нас не принято было показывать чувства и эмоции при всех, поэтому прощание проходило скупно. Ратибор и Урумар попрощались с жёнами и детьми, сказав по несколько слов, у них была почти вся ночь, чтобы попрощаться.

Я крепко хлопнул отца по плечу, он в ответ лишь добавил: «Кулак с тобой, сын».

Я подошёл к младшему брату, Роту, тогда ему было тринадцать – крупный смуглый мальчишка с каменным лицом, никогда не знал, что у него на уме. Он всегда без лени выполнял любые поручения отца, но почти не говорил; несмотря на своё большое тело, всегда подходил незаметно. Мы с ним мало общались. Он ни с кем не общался, в свободное время где-то пропадал, занимался своими странными делами, вроде непонятных рисунков на песке или поиска муравейников чтобы разрушить их.

– Пусть тебя не коснутся болезни и голод, – произнёс он. Я хотел поблагодарить за слова, но он продолжил: «Умри в бою, Кулак примет твой дух».

Он с силой хлопнул меня по плечу и быстро скрылся в толпе.

– На этом хватит, – раздался голос вождя. – Теперь идите. Уже середина лета, каждый день дорог.

Мы втроём под свист и одобрительный гомон переступили невидимую черту. Я ещё какое-то время шёл оглядываясь, махал провожавшим соплеменникам, а товарищи шли гордо, не оборачиваясь. Наконец гомон стих, толпа провожающих исчезла в листве.

Я достал из кармана амулет, дарованный мне идолом на Светлом холме, надел его. Вот и начался мой великий поход...

## **ГЛАВА 4. Рассвет над тёмными землями**

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.